

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра русского языка и литературы

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

На тему: Духовный аспект хронотопа в прозе Б. К. Зайцева

Исполнитель Антонова Дарья Николаевна

Руководитель кандидат педагогических наук, доцент
Кипнес Людмила Владимировна

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой _____
(подпись)

кандидат педагогических наук, доцент
Кипнес Людмила Владимировна

«__» _____ 2021 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Художественный мир в прозе Б.К. Зайцева: поэтика хронотопа.	10
1.1. Понятие хронотопа и его отражение в художественной литературе.....	10
1.2. Понятие духовности и ее отражение в прозе Б.К. Зайцева.....	19
1.3. Основные составляющие духовного мира Б.К. Зайцева.....	29
1.4. Пространство и время в прозе Б.К. Зайцева.....	31
Выводы.....	33
Глава II. Человек перед лицом вечных ценностей.....	36
2.1. Основной герой в художественном мире Б.К. Зайцева.....	36
2.2. Вечные ценности в прозе Б.К. Зайцева: жизнь – смерть – любовь..	49
2.3. Россия: основные мотивы и духовные ценности.....	52
Выводы.....	57
Заключение.....	62
Список использованной литературы.....	69

ВВЕДЕНИЕ

Изучение религиозных исканий, библейских мотивов и образов, находящихся отражение в творчестве писателей XVIII, XIX и начала XX веков проводилось в литературоведении дореволюционной России, наряду с исследованием других тематических пластов. Этот аспект осмысления отдельных сторон творчества был естественным. Религиозность писателя не была чем-то выходящим за рамки, оригинальным, что отличало его от собратьев по перу. Духовно-нравственная составляющая творчества русских писателей имела православную основу и в этом ключе отдельно не рассматривалась. Писатели, критики, литературоведы и читатели говорили на одном языке, потому что основа воспитания и образования была религиозной. Для них не существовало в литературных произведениях неясных, темных мест, обусловленных включениями текста из Священного Писания.

В советское время в связи с идеологическими установками упоминания о религиозной составляющей творчества писателей прекратились. Осмысление русской классической литературы как «духовного феномена» оказалось непопулярным и не приветствовалось. В советском литературоведении «эта тема осталась, но в принципиально усеченном виде, обозначаясь как «национальное своеобразие русской литературы». Усечению подвергся главный, именно мирозерцательный, срез темы. Универсально-человеческое содержание русской классики было непозволительно рассматривать в том религиозно-духовном, идейном, ментальном контексте, в каком оно на деле складывалось: в контексте веры в «вечные истины» и высшие ценности, которые понимались в России как истины христианские и ценности православные» [108: 524-525].

Тем не менее, в советской науке о литературе имеются исследования, посвященные нравственным исканиям и основам, социально-нравственным проблемам творчества писателей. Примечательно, что в эти же годы в эмиграции усилия литературоведов тоже направлены на изучение духовных основ произведений.

С конца 1980-х годов (со времени празднования 1000-летия крещения Руси) в гуманитарных науках произошли серьезные изменения, связанные с обращением к Церкви, возвращением христианских заветов, ценностей, традиций, культурного богатства религиозного искусства Древней Руси. В литературоведении этот перелом выразился в изучении духовного начала произведений, о чем свидетельствуют конференции на религиозные темы и выпуск сборников статей. Важно, что на данном этапе развития науки о литературе исследователи обратились к аспектам творчества, которые все еще остаются недостаточно исследованными. Духовно-нравственные основы и проблемы становятся предметом серьезного научного изучения как в русской литературе в целом, так и в творчестве отдельных писателей. В современном литературоведении методологическое значение имеют труды В. А. Котельникова [87], изучающего составляющие православия в творчестве русских поэтов и писателей XIX века, И.А. Есаулова [53], разрабатывающего категории соборности и пасхальности, работы А.М. Любомудрова, исследующего образ воцерковленного героя в русской литературе [99]. Внимания заслуживают исследования о жанровых, стилевых и идейных традициях древнерусской литературы в художественных произведениях начала XX века Н.И. Пак [115], работы Т.А. Кошемчук, изучающей русскую литературу XIX века и рубежа XIX-XX веков в контексте православной культуры [89].

Заметным явлением становятся труды представителей духовенства и ученых-теологов, обращающихся к названной проблематике в русской литературе. Особое значение придается книгам М.М. Дунаева «Православие и русская литература: в 5 частях», «Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII-XX веках» – труду, рассматривающему творчество русских писателей от древнерусской до современной литературы под знаком религиозности [47].

Этому способствуют и специальные конференции, такие как «Ф.М. Достоевский и нравственно-религиозные искания в духовной культуре

России конца XIX - начала XX века» (Санкт-Петербург, 1993); «Христианство и русская литература» (Санкт-Петербург, 1994, 1996, 1999, 2002, 2006); «Духовно-нравственные основы русской литературы» (Кострома, 2007); и др.

От общих проблем исследователи переходят к осмыслению творчества отдельных писателей. В поле зрения исследователей оказываются писатели различных эпох и направлений. Особого внимания заслуживают труды крупных ученых, на протяжении многих лет изучающих православные основы литературной деятельности отдельных писателей: «Непрочитанный Чаадаев, неслышанный Достоевский (христианская мысль и современное сознание)» Б.Н. Тарасова [142], «Федор Глинка – русский духовный писатель» В.П. Зверева [65], труды В.С. Непомнящего об А.С. Пушкине [108] и мн. др.

В конце XIX - начале XX веков в русской культуре, наряду с активизацией философской мысли в условиях религиозного кризиса, наблюдается углубление философской проблематики художественных произведений, а также усиление внимания к религиозной идейной направленности литературы.

В литературоведении понятие «духовно-нравственные проблемы» стало широко употребляться сравнительно недавно. В своей классификации А.Б. Есин отдельно выделил лишь идейно-нравственные и философские проблемы, касающиеся осмысления внутренней жизни человека и универсальных категорий бытия [56:127].

В современной науке назрела необходимость обсуждения проблемы «религиозного литературоведения» как особой ветви литературоведения, о чем свидетельствуют дискуссии и круглые столы [47; 67; 118]. В рамках этой проблемы также решается вопрос о методике анализа православного контекста литературных произведений, т.к. «целостное постижение религиозного смысла творчества русских писателей и поэтов в его сложности» является основной задачей последователей нового литературоведческого направления [Котельников, Кошемчук, Варакина].

В 1990-е годы наблюдается расцвет научного изучения творчества известного русского писателя Б.К. Зайцева. Возобновилось издание творческого наследия Б.К. Зайцева доэмигрантского периода, на родине впервые были опубликованы произведения, написанные в эмиграции: художественные биографии, романы, автобиографическая тетралогия и книги воспоминаний. Отечественным ученым открылся новый материал для исследований. В ряде исследований были глубоко проанализированы особенности художественных биографий Б.К. Зайцева: «Жуковский», «Жизнь Тургенева», «Чехов» с точки зрения жанра, творческого метода, образа художника, эволюции этико-эстетических представлений писателя, художественных традиций писателей XIX века [Кашпур, Яркова, Завгородняя].

Большинство научных работ этого времени посвящены проблемно-тематическим особенностям творчества Б.К. Зайцева. Отмечается своеобразие решения проблемы героя (типология, средства создания характера); стиля и метода, с включением таких аспектов, как лиризм, цветопись, мифопоэтическая образность [Драгунова, Абишева, Иезуитова, Захарова, Каргашин, Кедровский, Костылева и др.]. Интерес исследователей направлен на осмысление сюжета, поэтику хронотопа произведений Б.К. Зайцева, аллюзивность прозы писателя [Сомова, Ванюков, Камильянова, Баландина, Хатямова]. Особое внимание уделяется проблемам жанра в творчестве Б.К. Зайцева [Аринина, Захарова и др.].

В последние годы началось серьезное изучение документально-публицистических и литературно-критических жанров в наследии писателя [Степанова, Ярков, Любомудров]. Ряд исследователей отметили своеобразное усвоение Б.К. Зайцевым жанровых канонов древнерусской литературы. О житийных чертах поэтики рассказов и книги «Преподобный Сергей Радонежский» (житийном типе повествования, житийном сюжете), о трансформации жанра «хожений» в «Афоне» и «Валааме» пишут Н.И. Пак [112-115], Л.Н. Бараева [18], Т.В. Боровинская [23], Ю.М. Камильянова [69,

70], А.С. Сваровская [126] и др. Важное место среди исследований занимают работы, посвященные мировоззренческим основам творчества Б.К. Зайцева [Драгунова, Захарова, Михайлова, Черников, Толмачев]. В связи с этим изучается влияние философских идей В.С. Соловьева на мировосприятие писателя [Драгунова, Краснова, Ровицкая].

Особое направление изучения творческого наследия писателя связано с рассмотрением православно-религиозных составляющих его произведений.

Несмотря на множество проблем, поставленных в связи с изучением творчества Б.К. Зайцева, а также обилие работ, направленных на их разрешение, научное изучение талантливого и самобытного писателя только начинается. Так, направление, связанное с рассмотрением духовно-нравственных проблем в творчестве писателя открыто, но далеко не исчерпано. Оно получает особую актуальность в свете возрождения с начала 1990-х годов религиозных основ и традиций жизни, активной деятельности русской православной церкви.

Исследование творчества Б.К. Зайцева 1900-1920-х годов с позиции духовно-нравственной проблематики определяет *актуальность* работы, которая связана с тем, что изучение творчества писателя позволяет уточнить, конкретизировать представления о сложных противоречивых исканиях эпохи, переживающей кризис религиозного мышления, выразившийся в богоискательских и богостроительских идеях. Позиция Б.К. Зайцева выразилась в его произведениях, обращенности к традиционному пониманию христианства.

Научная новизна работы заключается в том, что период творчества Б.К. Зайцева 1900-1920-х годов (доэмигрантское творчество) рассматривается в понятиях православной картины мира, выявлены ее составляющие, особенности хронотопа, нашедшие отражение в произведениях первых двух десятилетий и ставшие ориентирами для писателя в дальнейшем творчестве.

Объектом исследования являются роман «Дальний край», повести «Аграфена», «Голубая звезда», «Авдотья-смерть».

Предмет исследования – художественное своеобразие духовно-нравственной проблематики, обнаруживающейся в отражении хронотопа, православной картины мира и ее составляющих в творчестве Б.К. Зайцева 1900-1920-х годов.

Цель исследования – выявить своеобразие духовного хронотопа раннего периода творчества Б.К. Зайцева (1900-1922 годы), исследовав духовно-нравственную составляющую созданной писателем картины мира, и уяснить функциональную значимость этого этапа для творческого пути писателя.

Задачи исследования:

1. Определить и охарактеризовать понятие хронотопа в художественной литературе как основу сюжета и композиции произведения.
2. Определить и охарактеризовать понятие духовности и ее отражение в прозе Б.К. Зайцева
3. Определить основные составляющие духовного мира, православной картины мира в творчестве Б. К. Зайцева 1900 - 1920-х годов.
4. Определить и описать пространство и время в прозе Б.К. Зайцева
5. Охарактеризовать основного героя в художественном мире Б.К. Зайцева перед лицом вечных ценностей.
6. Определить и охарактеризовать вечные ценности в прозе Б.К. Зайцева: Россия, жизнь – смерть – любовь.
7. Рассмотреть сущность, роль и функции христианской духовной доминанты как ценностного вектора творчества Б. К. Зайцева 1900-1920-х годов.
8. Выявить и проанализировать в произведениях Б.К. Зайцева 1900-1920-х годов художественные приемы, выражающие духовную реальность.

Методологическая основа исследования. Специфика рассматриваемой в исследовании проблемы потребовала сопряжения следующих методов: историко-литературного, сравнительно-сопоставительного, функционально-типологического. В работе был осуществлен ценностный подход к проблеме.

Теоретико-методологическую основу исследования составили:

- труды выдающихся отечественных литературоведов: М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, Г.Н. Поспелова, А.Б. Есина, В.Е. Хализева;

- труды отцов церкви и священнослужителей, а также крупнейших философов рубежа XIX - XX веков: свят. Григория Богослова, преп. Иоанна Лествичника, свят. Тихона Задонского, преп. Исаака Сирина, свят. Игнатия Брянчанинова, В.С. Соловьева, прот. Сергия Булгакова, прот. Василия Зеньковского, П.А. Флоренского, Г.В. Флоровского, В.Н. Лосского, схиархим. Иоанна (Маслова), архим. Иоанна (Крестьянкина), А.И. Осипова, архим. Иерофея (Влахоса);

- исследования крупных ученых в области религиозных основ русской литературы: М.М. Дунаева, А.М. Любомудрова, В.А. Котельникова, И.А. Есаулова, Т.А. Кошемчук, А.П. Дмитриева, И.П. Карпова и др.;

- работы литературоведов, внесших значительный вклад в изучение творческого наследия Б.К. Зайцева: Л.А. Иезуитовой, Т.Ф. Прокопова, В.Т. Захаровой, Ю.А. Драгуновой, Н.И. Пак, А.П. Черникова, А.В. Ярковой, И.А. Полуэктовой, С.В. Сомовой, М.Б. Баландиной и др.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что результаты проведенного анализа могут быть применены при дальнейшей разработке общих теоретических вопросов, связанных с исследованием проблемы «Христианство и русская литература» в аспектах отношения светской литературы к православной догматике, роли церковно-культурных традиций в русской литературе.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его положения могут быть реализованы в учебном процессе: в преподавании курса истории русской литературы рубежа XIX–XX веков, в разработке спецкурсов и спецсеминаров, связанных с изучением духовно-нравственной проблематики творчества Б.К. Зайцева. Работа может быть полезна и для совершенствования школьного преподавания, проведения цикла уроков, знакомящих с русской литературой XX века в контексте православной культуры.

Цели и задачи работы определили структуру работы, которая состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы, включающего 159 источников.

Глава I. Художественный мир в прозе Б.К. Зайцева: поэтика хронотопа

1.1. Понятие хронотопа и его отражение в художественной литературе

Слово **хронотоп** греческого происхождения, состоит из двух слов: *хронос* – время, *топос* – место, а **хронотоп** означает «пространственно-временной комплекс». Впервые «пространство и время» связал со смыслом художественного произведения Аристотель, затем это понятие было введено физиологом А.А. Ухтомским, а позже разработано применительно к художественной литературе М.М. Бахтиным, Д.С. Лихачевым. Благодаря их трудам, «пространство и время», утвердились в качестве основных лингвистических и литературоведческих категорий текста [30: 77-97]. В любом художественном произведении отражено реальное время и пространство. Поэтому в произведении складывается целая система пространственно-временных отношений. Следует отметить, что одни исследователи рассматривают отдельно категорию пространства и категорию времени, а другие рассматривают эти категории в неразрывной взаимосвязи, которая, в свою очередь, определяет особенности литературного произведения.

Категории пространства и времени, или пространственно-временной континуум (лат. *continuum* – непрерывное, сплошное) в тексте одним из первых подробно и обстоятельно описал известный лингвист И.Р. Гальперин. В любом тексте выделяются три темпоральные основы текстового времени: объективное (календарное), концептуальное (событийное) и перцептуальное, или перцептивное (эмоционально-экспрессивное). Например, перцептивное время (стремительность передвижения автомобиля, уезжающего от погони) в романе Б. Зайцева «Дальний край» передается глаголами – метафорами **вылетел, перемахнул, помчался**: *Автомобиль вылетел из кольца присутственных мест, перемахнул через зеленый овраг, разделявший город на две части, и помчался по Казанской улице, к окраине города* [60: 159].

В художественных текстах выделяют художественное время. Объективное время – это время внешнее, индивидуальное по отношению к тексту (время издания книги, рукописи и т.д.). Концептуальное (лат *conceptio* – восприятие) время отражает наши представления и понятия, которые

воплощаются в разных типах текстов: произведениях, деловых бумагах, письмах и т.п. Напр.: «— Умер Алеша, умер Степан, — сказал Петя, прислонившись к плечу Лизаветы. — Милый друг, **мы остались с тобой вдвоем. Видишь, как беспредельна, сурова и печальна жизнь. Нам надо идти по ней...туда, к тому пределу, который переступим в свое время и мы**» (основной концепт *жизнь — смерть, вечность*, циклическое время) [60: 234]. Базовые указатели событийного времени — слова и словосочетания, непосредственно передающие значение времени: *время, год, век, лето, день, час, мгновение, миг, вчера, во время войны, даты* и др. Косвенные указатели времени: имена исторических лиц, номинации исторических реалий, предметов быта, цитаты и т.п. Событийное время может быть выражено и описательно, через действия героя. См.: «*Когда он возвращался домой, светила луна, был теплый, славный сентябрьский вечер. Петя знал, что дома застанет чай, Лизавету, Алешу, кого-нибудь из козлорогов, — и будет весело, шумно*» [60: 91]. В двух этих предложениях отражено событийное время — не только месяц, время суток, но и эпоха (общество козлорогов появилось в Москве в начале XX в. и стало популярным среди молодежи).

По отношению к событиям текста перцептивное (перцептуальное) время во времени и пространстве выражает позицию автора, которая может интерпретироваться читателем, объясняя смысл действия, выражение эмоционально-оценочной реакции. Степень перцептуальности минимальна в научных текстах и максимальна в художественных. См. предыдущий пример: «*будет весело, шумно*» благодаря не только Алеше и Лизавете, но и членам общества козлорогов, которое и ориентировано на веселье и беззаботность.

Художественное время — это форма существования сюжета, характеризующаяся своеобразным переплетением свойств реального, перцептуального и индивидуального времени. В художественном тексте сочетаются отражение объективной реальности и ирреальности (условности). Временной континуум в художественных текстах менее точен, чем пространственный, чаще всего он основан на нарушении реальной

последовательности событий, что предопределяет членение отрезков текста. В композиции текста время служит одним из основных структурных элементов. Текстовое время может быть синхронным и диахронным. Синхронное время связано с понятиями «когда это было», «сколько времени продолжалось» или вневременным подходом, диахронное – с логической организацией текста (с понятиями последовательности и упорядоченности во временном отношении).

Пространственный континуум в художественных текстах всегда более точен, чем временной. Географические названия места действия и описание этих мест даны абсолютно в реалистическом плане. Индивидуумы конкретны в пространстве, а не во времени. Один и тот же человек может находиться в одном и том же месте в разное время и быть в разных местах в одно и то же время. Трехмерное пространство, воспринимаемое нашими органами чувств, может быть многомерным: оно способно сжиматься и расширяться и всегда носит в себе некую условность, даже в том случае, если оно привязано к определенному месту [30: 86-97]. Художественное пространство всегда конкретно и никогда не бывает абстрактным, имеет определенные рамки или ориентиры относительно центра (центр – субъект целого текста, его автор, который устанавливает рамки).

Пространственный континуум тесно связан с временным и может быть реальным, концептуальным, психологическим, социальным и художественным [95: 266].

Художественный текст, в отличие от других текстов, отличается преднамеренностью пространственного решения, т.к. является одной из составляющих авторского замысла. Для художественного пространства нет ограничений. Любое пространство может подаваться как открытое и закрытое, возможно его моделирование такими понятиями, которые сами по себе не имеют пространственной природы (бал у Сатаны в квартире Берлиоза в «Мастере и Маргарите» М.А. Булгакова) [95: 266].

Ключевое понятие объективного и художественного пространства – это точка зрения субъекта (автора и персонажа). При совпадении места автора и

персонажа возможно следующее: а) автор перевоплощается в персонажа; б) автор следует за персонажем; в) место автора определено относительно. Если место автора отлично от места персонажа, то: а) точка зрения автора скользит от одного персонажа к другому; б) точка зрения автора независима; в) точка зрения носит общий характер («взгляд с высоты птичьего полета», сверху) [101: 151-152].

Моделирование текстового пространства осуществляется либо воспроизведением (изображением) пространства, либо указанием на воспроизводимое пространство, сочетание которых способно образовать панораму текста [151: 46-50]. Пространственный континуум, по Ю.М. Лотману, складывается в некоторый *топос*, наделенный предметностью [95: 280]. Обобщенное художественное пространство тоже конкретно, т.к. оно изображается и за счет конкретности может приобретать свойства художественного образа или становится способом выражения непространственных смыслов целого текста.

В художественном тексте в зависимости от темы произведения меняются и средства обозначения пространства. В «городских» рассказах – это *во дворе, в квартире, в лифте, второй этаж, восьмой этаж* и пр., в сельских – *изба, поле, сени, сад, печка, колодец, огород* и т.п.

Пространство в художественном тексте может быть дано крупным планом (перед глазами), издалека, укрупняться и становиться более понятным при приближении к нему героя и наоборот. Микротекст всегда содержит прямые указания на время и место действия. Именно пространственные описания и указатели сообщают читателю конкретное время действия в произведении (эпоху, место действия, даже если оно не названо, время года, суток и т.д.).

Базовыми единицами пространства (локуса: *locals* – местный) являются:

а) слова, семантическим содержанием которых является абстракция отношения отдельных частей объекта к самому объекту: *поверхность, верх, низ, сторона*;

б) категориальные лексические единицы: *место, пространство*;

в) слова разных частей речи с локальной семантикой: *находиться, широкий, далеко*; предлоги пространственного значения: *под, над, около*, топонимы и географические названия. К ним примыкают: вся предметная лексика, некоторые личные имена, экзотизмы [151: 42-44].

Идеографическая классификация пространства выделяет следующие группы с пространственными значениями:

а) пространственные границы – *граница, пределы (в пределах города), край, черта*;

б) ограниченное пространство – *дорога, шоссе, площадь*;

в) нахождение в пространстве – *лежать, сидеть, стоять*;

г) локализация нахождения в пространстве – *слева, сзади, возле, рядом, далеко*;

д) изменение положения – *падать, поднимать, вставать*;

е) направление – *смотреть, выходить*;

ж) расстояние – *длина, рядом, близко*;

з) пространственные координаты – *бок, верх, низ, центр, правый, левый* [9: 147].

Пространственный континуум может быть точечным и объемным, статическим и динамическим, для различения чего важна семантика глаголов. Для передачи статической локальной картины используются экзистенциальные и статические глаголы пространственной локализации, а для передачи динамики – глаголы перемещения [101: 32-33]. Кроме того, пространственная определенность передается обстоятельствами места и придаточными предложениями пространственного значения.

Художественное время и художественное пространство
исследователи определяют как характер художественного образа, который обеспечивает целостное восприятие ***художественной действительности*** и организует композиционное произведение. М.М. Бахтин понимает термин ***хронотон*** как две нерасчлененные вещи, синтез, единство времени и

пространства Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп».

По М.М. Бахтину, художественное время и пространство символично. К основным пространственным символам он относит: *дом (образ замкнутого пространства), простор (образ открытого пространства), порог, окно, дверь (граница)*. В современной литературе это может быть *вокзал, аэропорт* (места решающих встреч). В работе «Формы времени и хронотопа» М.М. Бахтин, исследовав хронотоп в романах разных эпох, начиная с античности, определил, что хронотопы разных авторов и разных эпох отличаются друг от друга. Хронотоп, по М.М. Бахтину, имеет сюжетное значение. Структура пространства строится на оппозиции: *верх-низ, небо-земля, земля-подземное царство, север-юг, лево-право, замкнутое-открытое*; структура времени – на оппозиции *день-ночь, весна-осень, свет-мрак* и др.

Аксиологическая направленность пространственно-временного единства является центральной в понимании хронотопа, по М.М. Бахтину. В художественном произведении функция хронотопа состоит в выражении личностной позиции, смысла, т.к. содержащиеся в произведении смыслы могут быть объективированы только через их пространственно-временное выражение. Понимание произведения, его социокультурная объективация, считает М.М. Бахтин, есть одно из проявлений диалогичности бытия. Хронотоп индивидуален для каждого смысла, поэтому художественное произведение имеет многослойную («*полифоническую*») структуру. Каждый ее уровень представляет собой взаимообратимую связь пространственных и временных параметров, основанную на единстве дискретного и континуального начал, что дает возможность перевода пространственных параметров во временные формы и наоборот. Чем больше в произведении обнаруживается таких слоев (хронотопов), тем более оно многозначно, «многосмысленно» [19]. Например: *Около десяти он пил кофе в плавучем ресторанчике на Неве. Публики было мало. Вода поблескивала под плотом, в*

садике на дворцовой набережной играли дети. День сиял мило-гуманно, перламутрово [60: 61]. В приведенных четырех предложениях четко обозначено временное и пространственное место нахождения героя: утренний весенний Петербург, садик на дворцовой набережной и ощущение того, что герой прощается с городом.

О хромотопическом строении художественного произведения можно говорить с точки зрения отдельного сюжетного мотива (например, *хромотоп порога, дороги, жизненного перелома* и др. в поэтике Достоевского); в аспекте его жанровой определенности (по этому признаку Бахтин выделяет жанры *авантюрного, авантюрно-бытового, биографического, раблезианского, рыцарского, идиллического* романа); в отношении индивидуального стиля автора (*карнавальное и мистерийное* время у Достоевского и *биографическое* время у Л. Толстого); в связи с организацией формы произведения, поскольку такие, например, смысловесущие категории, как ритм и симметрия есть не что иное, как взаимообратимая связь пространства и времени, основанная на единстве дискретного и континуального начал.

Как видно из выше сказанного, основными функциями хромотопа, по М.М. Бахтину, являются: *жанрообразующая, сюжетообразующая и ассоциативная.*

Итак, *хромотоп* выполняет следующие функции:

определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности;

организует пространство произведения, вводит в него читателей;

может соотносить разное пространство и время;

может выстраивать цепочку ассоциаций в сознании читателя и на этой основе связывать произведения с представлением о мире и расширять эти представления.

Время и пространство может быть конкретным и абстрактным. Если абстрактно время, то абстрактно и пространство, и наоборот.

Развитие семиотического и герменевтического анализа текста позволило увидеть, что хронотоп художественного произведения отражает в себе цветовую гамму и звуковую тональность изображаемой действительности, а также передает ритм действия и динамику развития событий. Это позволяет осмыслить художественные пространство и время как знаковую систему, содержащую в себе семантические коды (исторический, культурологический, религиозно-мифический, географический и др.).

На основе современных исследований выделяют следующие формы хронотопа в литературе: *циклический*; *линейный*; *нелинейный хронотоп* и *хронотоп вечности*.

К частным хронотопам М.М. Бахтин относит следующие виды:

хронотоп *дороги* – строится на мотиве случайной встречи. Появление этого мотива в тексте может стать причиной завязки. Открытое пространство;

хронотоп *частного салона* – неслучайная встреча. Закрытое пространство;

хронотоп *замка* (в русской литературе его нет). Доминирование исторического, родового прошлого. Ограниченное пространство;

хронотоп *провинциального городка* – бессобытийное время, пространство замкнутое, самодостаточное, живущее своей жизнью. Время циклическое, но не сакральное;

хронотип *порога* (кризисного сознания, перелома). Нет биографии как таковой, только мгновения.

Крупным хронотопом М.М. Бахтин считает фольклорный (идиллический) хронотоп. Основывается на законе инверсии.

Тенденциями современного хронотопа оказываются: мифологизация и символизация; удвоение; обращение к памяти персонажа; усиление значения монтажа; время само становится героем повествования; время и пространство – неотъемлемые координаты мира.

Хронотопы, выражающие общие черты художественной пространственно-временной организации в данной системе культуры,

свидетельствуют и о духе и направлении доминирующих в ней ценностных ориентаций. В этом случае пространство и время мыслятся как абстракции, при посредстве которых возможно построение картины унифицированного космоса, единой и упорядоченной Вселенной. Например, пространственно-временное мышление первобытных людей предметно-чувственно и вневременно, так как сознание времени спатиализировано и одновременно сакрализовано и эмоционально окрашено. Культурный хронотоп Древнего Востока и античности выстроен мифом, в котором время циклично, а пространство (Космос) одушевленно. Средневековое христианское сознание сформировало свой хронотоп, складывающийся из линейного необратимого времени и иерархически выстроенного, насквозь символического пространства, идеальным выражением которого является микрокосм храма. Эпоха Возрождения создала хронотоп, во многом актуальный и для современности.

Противопоставление человека миру как субъекта – объекту позволило осознать и измерить его пространственную глубину. Одновременно появляется бескачественное расчлененное время. Возникновение характерного для Нового времени единого темпорального мышления и отчужденного от человека пространства сделало эти категории абстракциями, что зафиксировано в ньютоновской физике и картезианской философии.

Современная культура со всей сложностью и многообразием ее социальных, национальных, ментальных и др. отношений характеризуется множеством различных хронотопов; среди них самым показательным считается тот, который выражает образ сжатого пространства и утекающего («утраченного») времени, в котором (в противоположность сознанию древних) практически нет настоящего. Для Бахтина несомненно, что в искусстве «сами вечность и безграничность получают ценностный смысл лишь в соотношении с детерминированной жизнью» человека [19].

Таким образом, М.М. Бахтиным предложено неклассическое видение человеческого познания: кроме субъектно-объектных отношений, оно

включает синтез когнитивных, ценностных (этических и эстетических), а также пространственно-временных отношений.

Хронотоп, по В.И. Вернадскому, соотносится с описанием им ноосферы характеризуемой единым пространством-временем, связанным с *духовным* измерением жизни. Оно принципиально отлично от психологического пространства и времени, которые в восприятии имеют свои особенности (Вернадский, Ноосфера). Здесь же, как и в бахтинском хронотопе, имеется в виду одновременно *духовная и материальная реальность*, в центре которой находится человек.

Каждый писатель осмысливает время и пространство по-своему, наделяя их собственными характеристиками, отражающими мировоззрение автора. В итоге художественное пространство, создаваемое писателем, является уникальным и не похоже ни на одно другое художественное пространство и время. Это относится и к творчеству Б.К. Зайцева. Например: *Ужин кончился. Петя с Ольгой Александровной сошли с террасы, сели на скамейке. С балкона долетали голоса спорящих, а здесь было тихо, сыровато и пахло распускающимся жасмином. В зените сияла голубая Вега, а над горизонтом мерцали плеяды, таинственные группы небесных дев* [60: 76]. Т.А. Ермаковская отмечает, что «наряду с общеупотребительными функциями времени и пространства (номинативной, описательной, эстетической), в идиостиле писателя можно выделить специфические авторские особенности: это текстообразующая функция, функция усиления медитативной лексики и функция ассоциативно-логического трамплина» [58: 18].

Для Б.К. Зайцева уникальность хронотопа в том, что, наряду с описанием пейзажа, используются звуки и запахи, чтобы лучше представить состояние природы, воздействующей на героев, а также влияние на их души космического пространства и особенно любимой писателем и его героями звезды Веги.

1.2. Понятие духовности и ее отражение в прозе Б.К. Зайцева

Понятие духовности исследуется с разных точек зрения и в разных науках: в философии, в литературоведении, в богословии, в психологии. В каждой из этих отраслей знания понятие «духовность» является частью особой системы понятий и описывает реальность, стоящую за данным понятием в различных системах связей.

Словарно-энциклопедическая литература отражает состояние и понимание слова «духовность» в живой речи на протяжении столетий. В.И. Даль определяет значение слова «духовность» как «состояние духовного». В толковании прилагательного «духовный» предлагается три значения, причем одно из них прямо указывает на область веры. В двух других употреблениях слова нет четкой границы между «нравственным состоянием» и мировоззрением: «бесплотный, нетелесный, из одного духа состоящий»; «все относящееся к Богу, церкви, вере»; «все относимое к душе человека, все умственные и нравственные силы его, ум и воля» [12: 503-504]. Эти же значения слова «духовный» сохранились до наших дней и вошли в современные толковые словари.

Д.Н. Ушаков, определяя понятие духовности, отмечает: «отрешенность от низменных, грубо чувственных интересов, стремление к внутреннему совершенствованию, высоте духа» [12](Ушаков: 12). В современном толковом словаре русского языка – два толкования: первое из них связано с религиозной сферой человека: «нематериальное, божественное начало в жизни и в человеке; сфера религиозных интересов человека»; второе определяет духовность как «внутренний мир человека в противоположность физическому, телесному». У психологов «духовность» – это «система высших социальных качеств человека, его приверженность базовым социальным ценностям, способность индивида к высшей нравственно-эстетической самореализации, высшая потребность индивида и социума в реализации священных устоев человеческой жизни, способность человека дистанцироваться от себя и находиться под контролем высшего своего суда –

своей совести и чести. Духовность – деятельная чувствительность человека к добру и злу, прекрасному и безобразному, истинному и ложному. Несформированность или утрата духовности – нереализованность человеческой сущности, падение человека» [131: 95].

Таким образом, при толковании понятия «духовность» происходит смешение не только нравственных и духовных, но и интеллектуальных качеств человека. Общим для данных источников при определении понятия является противопоставление духовной и материальной сфер, а также отведение особой роли стремлению к самосовершенствованию через преобразование внутренних качеств. Существует и понятие традиционной народной духовности, которая связана с системой фольклорно-этнографических, мифологических и религиозных традиций и основ жизни.

В христианском понимании духовности отодвигаются на второй план такие составляющие, как культура поведения, интеллектуальное развитие, эстетический вкус, воспитание, глубина и широта человеческих познаний, прежде всего, устанавливается источник духовности – дух. Для христианской традиции характерно рассмотрение «духа» как «искры Божией» в человеке. В христианстве Дух (Святой Дух) – это один из ликов Бога (Бог). Человеческий дух – это то в человеке, что в нем «от Бога». Дух рассматривается как высшее, божественное начало в человеке. Через причастность к нему, через его действие человек являет себя как существо, сотворенное «по образу и подобию Божию». Духовность в христианстве представляет собой плоды действия Святого Духа в душе. Набор личностных черт, которым обладает христианин, свидетельствует о присутствии в душе Святого Духа. Духовность является «встроенным механизмом личностного роста», который включает человека в отношения любви в Святой Троице и имеет конечной целью, возможно, полное преодоление последствий грехопадения и на внешнем, видимом уровне – достижение идеала христианской личности. Под человеческой духовностью понимается совместная работа человека и Духа по исправлению поврежденной человеческой природы, где каждый, самый

маленький шаг человека, направлен к Богу. Конечный итог такой «работы» – максимально полное включение человека в предвечный диалог любви, происходящий внутри в Святой Троице между тремя ее лицами: Отцом, Сыном и Святым Духом, «обожение» в богословии, предполагает полную реализацию природы человека. Духовность являет внутренний рост человека в совокупности всех качеств: нравственных, интеллектуальных и, прежде всего, духовных, предполагающих приведение себя в правильное состояние и стремление к «богоподобности» – к пребыванию в любви, как высшем свойстве Бога.

Нравственность толкуется как «совокупность принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и обществу, а также само поведение человека, основывающееся на этих нормах». Философами отмечено, что «нравственность – один из самых важных и существенных факторов общественной жизни, общественного развития и исторического прогресса, мораль. Заключается в добровольном самодеятельном согласовании чувств, стремлений и действий членов общества с чувствами, стремлениями и действиями сограждан, их интересами и достоинствами, с интересами и достоинствами всего общества в целом» [66: 309]. Нравственность – это внешний показатель качеств человека, выражающийся в его отношении к людям, зависит от духовного состояния человека.

Христианство никогда не говорит об одной нравственности без духовности, потому что нравственность без духовности не имеет смысла. Нравственность значима, когда первейшей своей заботой имеет внутреннее состояние человека (по словам Григория Паломы, «внешний подвиг без духовного не просто бесполезен, но и губителен», потому что ведет к гордыне). Христианство всегда говорит не просто о нравственном, но о духовно-нравственном воспитании (духовность ставится на первое место), потому что истинный путь становления человека, прежде всего, на пути духовного очищения.

В.Ю. Троицкий определил духовность как «способность бескорыстного, самоценного стремления к абсолютной Истине, добру и красоте, осуществление этого стремления в жизни и осознание его как отличительного признака подлинно человеческого в человеке. Духовность основывается на том, что существуют реально Высшие ценности, несравнимые по абсолютному значению с любыми житейско-практическими, прагматическими интересами» [145: 16]. Непременными условиями движения по духовному пути называется стремление к Истине, добру и красоте, к Богу, свободное от эгоистических, корыстных пристрастий, и, вместе с тем, осознание своего бытия как временного, длящегося и переходящего в Вечность [57: 72]. Концептуально значимый характер имеют слова ученого: «Духовность в завершенном виде, как правило, приобретает форму религии. Духовность в чистом виде для исторически сложившегося русского сознания – это «православное познание мира, православное осмысление взаимоотношений Бога и человека»! [57: 18].

Особенность всей русской литературы – от древней до современной – ее философская глубина, предельная насыщенность духовно-нравственными проблемами. Для многих писателей характерно равнодушие к человеческим судьбам, глубокое проникновение в сознание и душу человека, стремление увидеть за миром земным мир трансцендентный, высший, идеальный.

Нравственные искания героев произведений русских писателей находятся в центре внимания отечественных исследователей. «Русская литература «от начала» чревата исканиями идеалов, которые бы отличались истинностью и обладали свойством оправдать мир и жизнь в нем; оправдать страдание и «все и вся» образовать – в соответствии с найденным идеальным образцом» [157: 55]. «Основная традиция отечественной литературы связана с видением ноуменального мира как мира духовно-православного» [74: 77]. По мнению многих современных исследователей, «русская классическая литература и национальное ощущение мира, за нею стоящие, настолько глубоко уходят своими корнями в религиозную стихию, что даже писатели,

порвавшие с религией, все равно оказываются внутренне с нею связанными» [158: 4]. Этим объясняется неразрывная связь нравственных исканий с духовной составляющей в творчестве писателей. Герои классических произведений русской литературы рассматриваются не просто с общечеловеческой этической точки зрения, а с духовных позиций, выдвигаемых православной церковью. Важным представляется обращение к высказыванию Ф.М. Достоевского о том, что «сущность России есть идея всемирного человеческого обновления и хранится она не в революционном виде, а в виде божественной правды, в виде христианской истины, которая когда-нибудь да осуществится же на земле и которая всецело сохраняется в православии» [2: 136]. Православная вера не только определяет нравственный выбор русского человека, но и является основой его внутреннего совершенствования. Именно она, по мысли великого писателя, может привести к духовному обновлению всего человечества.

В системе духовно-нравственных проблем, таким образом, выделяются те, что связаны с путем духовного становления и развития человека, с поисками христианской веры и Бога. Особое внимание обращается на рассмотрение основных ценностей и составляющих духовно-нравственного бытия человека – добра и зла, веры, церковности, памяти и совести, добродетели и греха, любви и смерти и т. д.

Конец XIX – начало XX веков – довольно короткий, но весьма напряженный и очень важный, самостоятельный по своему значению период в истории русской литературы. Новое, поколение писателей, родившееся на рубеже столетий, кровно было связано с создателями отечественной классики, но по ряду объективных причин проложило свой, особый художественный путь. Он не прекратился с историческим переломом в Октябре 1917 г., а был блестяще продолжен на протяжении десятков лет. Однако русская культура претерпела трагический катаклизм. Страна была разрушена до глубин, интеллигенция расколота, большая ее часть оказалась в эмиграции. Для всех – оставшихся на родине или выехавших за ее пределы – наступила совершенно

иная и по-разному трудная полоса творчества. Литературную эпоху начала века, по слову М. Горького, стали называть «пестрой». Она воистину поражала разнотипностью реализма, вступившими с ним (и между собой) в полемику течениями модернизма и обилием прочих «промежуточных» форм творчества.

В литературе этого времени почти исчез герой – носитель авторского идеала, а все писательское внимание было сосредоточено вокруг темной, подсознательной стихии человеческой души. Однако не все (хотя и меньшинство) представители литературы Серебряного века были заражены царившим тогда повсеместно декадансом. Борис Зайцев по праву может быть отнесен к категории этих немногих. Его творчество несло в себе от века идущие духовные ценности и искания классической культуры.

Б.К. Зайцев вошел в литературу с началом XX столетия (дебютировал в 1901 году рассказом «В дороге» в московской газете «Курьер»). Его можно назвать сыном своего времени. Он испытал сильное влияние великих предшественников отдаленных эпох и современности – А. Данте, А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Г. Флобера, А.П. Чехова, В.С. Соловьева, Л.Н. Андреева. Прежде чем выработать свой собственный стиль, находился под воздействием разных современных направлений, о чем признался в автобиографии, написанной в 1910 году: «начал с повестей натуралистических; к моменту выступления в печати – увлечение так называемым «импрессионизмом», затем выступает элемент лирический и романтический. В последнее время чувствуется растущее тяготение к реализму».

Б.К. Зайцев был дружен или знаком почти со всеми выдающимися писателями, поэтами, деятелями русской культуры своего времени. Это А.А. Блок, И.А. Бунин, И.С. Шмелев, М. Горький, М.И. Цветаева, Д.С. Мережковский, Б.Л. Пастернак. О них Б.К. Зайцев оставил воспоминания, собранные в книгах «Москва», «Далекое», «Дни». Писатель отразил в рассказах и романах исторические приметы и социальные катаклизмы

современности: жизнь московской богемы, назревающие среди молодежи революционные настроения, первую мировую войну и революции.

При всем этом он явился писателем самобытным и вневременным по характеру тем и проблем, поднимаемым в творчестве, а также по глубине их постижения. Частная, личная жизнь человека, ничем не примечательного, тихого, желающего «просто жить», судьба и принципы, определяющие жизненный путь, неизменно привлекали внимание Б.К. Зайцева.

В автобиографическом очерке «О себе» (1943) Б.К. Зайцев разделил свою жизнь и творчество на две половины – доэмигрантскую (1901 – 1922 годы) и эмигрантскую (после 1922 года) [123: 5-10]. Большинство исследователей, следуя за самим писателем, выделяют в его творчестве эти два больших периода. Хронологически изучение творчества Б.К. Зайцева исследователи делят на три этапа развития: до 1918 года – дореволюционная критика, 1920-1980-е годы – советская и эмигрантская критика, с конца 1980-х годов и до наших дней – современное литературоведение.

Первый период творчества Б.К. Зайцева – это эпоха становления мировоззрения писателя, формирования духовных ценностей и выработки всей системы художественных приемов и средств, которые станут основой в произведениях, написанных в эмиграции. Границы первого периода изучения произведений Б. К. Зайцева можно расширить до времени отъезда писателя за границу – до 1922 года, так как литературная жизнь и критика, «первых послереволюционных лет вбирала в себя черты; прежней литературно-общественной ситуации», продолжала «катиться по наезженным рельсам».

Исследование духовно-нравственных проблем в творчестве Б.К. Зайцева критиками и литературоведами различных направлений выявило противоречивость трактовок, характеризующих творческую индивидуальность писателя, разнородность оценок и, как следствие этого, недооценку функциональной значимости первого периода для всего его творческого пути.

Большая часть проблем, рассматриваемая дореволюционной критикой, связана с мировоззрением Б.К. Зайцева и с обусловленными им особенностями художественной формы (художественного метода, сюжета, жанра, стиля, техники письма) и раскрытия характеров. Немногочисленные критические отклики на творчество Б. К. Зайцева 1918-1922 годов по своему характеру примыкают в большей степени к дореволюционной критике: в них проявляются как неодобрительные, так и благожелательные оценки.

Критики почти единодушно отмечали оригинальность творчества писателя, лиризм, которым проникнуты его произведения. Отмечая самобытность Б.К. Зайцева, исследователи увидели в его творчестве склонность к пониманию жизни в свете моральных и метафизических проблем, стремление к экспансивности и субъективизму, гармоничное существование в мире природы и человека.

При широком диапазоне расхождения оценок его творчества все критики сходились во мнении, что Б.К. Зайцев – талантливый, ни на кого не похожий писатель, уже сказавший свое слово в литературе.

Творчество Б.К. Зайцева доэмигрантского периода представляет собой сложное явление. Исследователи не пришли к единому мнению в оценке этого важного этапа, спектр осмысления широк: от тенденций творчества, основанных на пантеистических и мистических мироощущениях, до смешения языческих и православных воззрений. Большинство исследователей утверждают, что лишь после революции в духовном развитии Б. К. Зайцева произошел резкий перелом и писатель обратился к свету православной веры. Так, Н.И. Пак считает, что в дореволюционные годы христианство было для писателя «интуитивным чувством», «общей религиозной направленностью души» [114: 240]. В слиянии евангельской мудрости, соловьевского представления о «всеединстве» красоты в мире и пантеистического мироощущения видят своеобразие мировоззрения писателя В.Т. Захарова и Ю.А. Драгунова [46: 113].

Б.К. Зайцев – один из наиболее даровитых и своеобразных писателей, выступивших в первые годы XX века. Это – типичный представитель новейшей, так называемой «молодой» литературы. Ему в большой мере присуща свойственная молодой литературе склонность к философствованию – к уяснению жизни в свете моральных проблем. Его интересует не конкретная видимость вещей, не их внешний облик, а внутренняя сущность; их отношение к коренным вопросам бытия и их взаимная связь. Отсюда недовольство старыми художественными формами и вдохновенное искание новых, более соответствующих содержанию насущных вопросов его времени. Зайцев испытал сильное влияние религиозной философии Соловьева и Бердяева, которые, по его свидетельствам, пробили «пантеистическое одеяние юности» и дали сильный «толчок к вере». О новом мироощущении Зайцева свидетельствуют написанные им в 1920-е годы «житийные портреты» (Алексей Божий человек, Препродобный Сергей Радонежский – 1925) и очерки о странствиях к святым местам (Афон 1928, Валаам 1936). Обобщая опыт русской эмиграции в статье, приуроченной к 25-летию своего отъезда из Москвы, Зайцев выразил основную тему всего созданного им после того, как он покинул родину: «Мы – капля России... как бы нищи и неправны ни были, никогда никому не уступим высших ценностей, которые суть ценности духа». Этот мотив главенствует и в его публицистике.

Что касается его художественной прозы, наибольшее влияние русской религиозной философии проявляется в стремлении Зайцева проникнуть в неведомое. Но это неведомое, в отличие от общей ориентации поэтов и писателей Серебряного Века, носит духовный характер. Как говорил сам Зайцев: «только высшие ценности дают отдохновение». Вековой рубеж характеризовался тем, что люди в течение многих лет, отпущенных им для земного счастья, пребывали во власти нечистых поползновений. Взору писателя предстал плотоядный, опустошенный, жестокий мир, где все врожденные слабости до безобразия усилены. Но в отличие от многих своих современников, Зайцев отверг дух пессимизма и нигилизма. Он был уверен,

что для «прошедших сквозь печаль и мрак начинает светить Божья душа». Вообще религиозное чувство многое определяет в творчестве Зайцева. Вечная мудрость Библии направляет искания и прозрения его героев. О Борисе Зайцеве принято говорить, как о последнем в русском зарубежье значительном писателе XX века. Зайцев написал сравнительно мало произведений, тем не менее, оставил богатый след в русской литературе. Писатель испил до дна горькую чашу изгнания, но сохранил внутреннюю свободу. И тогда, когда вынужден был покинуть Россию, и тогда, когда вместе с Буниным оказался в оккупации после захвата Франции нацистами.

Соотнесение ценностных ориентаций художественного текста с аксиологией религиозной и нравственной системы, к которой был направлен писатель, является, на наш взгляд, продуктивным подходом при анализе религиозной и духовно-нравственной проблематики литературы в творчестве Б.К. Зайцева.

Таким образом, обращение к духовно-нравственной проблематике литературы вполне закономерно, оправданно и является одной из важнейших тенденций изучения художественных произведений Б.К. Зайцева в современном литературоведении.

1.3. Основные составляющие духовного мира Б.К. Зайцева

В системе духовно-нравственных проблем выделяются те, что связаны с путем духовного становления и развития человека, с поисками христианской веры и Бога. Особое внимание уделяется рассмотрению основных ценностей и составляющих духовно-нравственного бытия человека (добра и зла, веры, церковности, памяти и совести, добродетели и греха, любви и смерти и т. д.), отразившихся в произведениях Б.К. Зайцева.

Произведения Б.К. Зайцева 1900-1922-х годов свидетельствуют о постижении мира религиозным сознанием и раскрывают православную картину мира. В ее основе широко и многообразно писателем представлена типология любовного чувства. «Объективированное» в произведениях

мировоззрение писателя соотносится и с христианским пониманием любви как благословения Вышнего, и любви как губительной страсти. Б.К. Зайцев Божественное присутствие в мире видит в Любви – ее силой был сотворен мир, она же ведет человека в его земном пути.

Главную тему произведений Зайцева можно определить так: человеческая душа как часть космоса и его отражение. Наиболее подходящими приемами, на первых порах, ему представлялись отчасти так называемый «импрессионизм», отчасти символизм, а затем в нем все более и более проявляется тяготение к новому – углубленному и утонченному – реализму. Зайцев – большой субъективист, но его субъективность не производит впечатления грубой откровенности: напротив, она придает его творчеству отпечаток интимного благородства.

Основной чертой его произведений является лиризм. Вопрос о смысле жизни и связанные с ним мятежные, болезненные настроения отразились в психологии Зайцева весьма сложно. Они столкнулись с его духовной организацией, совсем не склонной к бурям и не страдающей диссонансами, с его душой светлой, по-чеховски мирной и созерцательной, покорно принимающей жизнь.

Герой Зайцева обращен к себе, собственному внутреннему миру, познает в нем то страшные отступления от совести, то зреющие зерна божьей правды. Его герой, даже в период войн и революций, когда человек более всего был подвержен бесчисленным воздействиям извне, сохранял стремление к вечным ценностям, утверждал их победу над сиюминутными суетными желаниями. Борис Зайцев, будучи в эмиграции, говорил: «Все имеет смысл. Страдания, несчастья, смерти только кажутся необъяснимыми. Прихотливые узоры и зигзаги жизни при ближайшем созерцании могут открыться как бесполезные».

Важными составляющими православной картины мира в произведениях Б.К. Зайцева являются понятия греха и искупления. Персонажи произведений писателя, лишь осознав свою греховность, искренно раскаявшись, встают на

путь спасения и достигают душевного спокойствия. Покаяние и искупление грехов являются показателями устремленности к Богу, к истинной вере. Б.К. Зайцев сосредотачивает внимание на жизни души человека: будучи отягчены грехами, герои мучаются, путь искупления также преисполнен страданиями. Герои произведений Б.К. Зайцева борются с грехами, через укрощение гордыни они приводят себя к смирению, и этот путь вызывает сочувствие писателя.

Идея духовного пути в творчестве Б.К. Зайцева реализуется в ряде аспектов: в поиске героями духовно-нравственных ориентиров спасения, их постепенном приходе к Богу и вере, утверждении в жизни христианских законов и заповедей, освобождении от всего суетного и преходящего, а также через мотив странничества. Идея пути в творчестве Б.К. Зайцева связана с эволюцией героя-странника. В ранних произведениях Б.К. Зайцева героями движет неосознанное желание уйти от привычной благоустроенной жизни. В более позднем творчестве персонажи осознают себя путниками в этой жизни и земное бытие в соответствии с православной традицией понимают как странничество, как путь к высшему отечеству.

Образы церкви, креста, звезды, мотив тишины в картине мира, созданной в произведениях Б.К. Зайцева 1900-1920-х годов, показывают возможность достижения внутренней гармонии, равновесия между духовными помыслами, душевным состоянием и телесными желаниями. Мотив тишины – один из важнейших в творческом облике «негромкого» писателя Б.К. Зайцева, внутреннее спокойствие которого позволяло услышать голос совести даже сквозь «гром войн и революций», это прообраз вечной тишины, ее проекция в душе человека.

Православная картина мира в творчестве Б.К. Зайцева 1900-1920-х годов отличается целостностью, интуитивным чувствованием трансцендентного, что доказывается обращением к образам неба, светил, символически отражающих горнее пространство. Особое внимание в православной картине

мира Б.К. Зайцева уделяется жизни души человека, ее спасению через любовь, покаяние и духовные поиски.

Все эти аспекты получили развитие и углубленную разработку в дальнейшем в эмигрантском творчестве Б. К. Зайцева.

1.4. *Пространство и время в прозе Б.К. Зайцева*

Пространство и время в прозе Б.К. Зайцева имеет свои особенности. Однако о специфике времени и функции и структуре художественного пространства, по справедливому замечанию М.Б. Баландиной, в прозе Б.К. Зайцева в трудах исследователей говорится немного. Об этом упоминается отчасти в работах С. Сомовой, И. Полуэктовой, В. Конорева, Н. Глушковой. С. Сомова, рассматривая особенности сюжетостроения в доэмиграционном творчестве Б. Зайцева, обращается к архетипу пути, анализирует архетип жизни-странствия. По мнению исследователя, сюжет прозы Б. Зайцева реализуется в пространственно-временных категориях. И. Полуэктова, анализируя лиризм произведений писателя («Волки», «Миф», «Тихие зори», «Аграфена»), поднимая вопрос о соотношении автора и героя, обращается к понятию хронотопа. Рассматривая модификации жанра романа в творчестве Б. Зайцева, В. Конорев прослеживает связь исторического времени и личного времени персонажей в произведениях писателя. Рассматривается динамика художественного мира Б. Зайцева в своеобразии пространственно- временных отношений и связей, определяющих жанрово-стилевые и композиционные особенности произведений писателя. Рассматривается дифференциация аспектов изучения творчества писателя – историко-литературного, идейно-философского, нравственно-этического [16: 14].

Наиболее значимые составляющие художественного пространства произведений Б.К. Зайцева – это *верх – низ, внешнее – внутреннее, ближнее – дальнее, горнее – дольнее* и их семантическое наполнение. Художественное

пространство в творчестве писателя складывается соотносительности реального (географического) пространства, событийного, перцептуального и концептуального.

Географическое пространство: Москва, Петербург, Крым, Поволжье, Сибирь, Италия (Флоренция, Рим), Подмосковье, деревня.

Событийное пространство: дом, квартира, лифт; сад, лес, поле, море; дорога.

Символическое и концептуальное пространство неразрывно связаны со временем и даны в названии вечных понятий: церковь, крест, монахиня, дорога, земля, небо, звезды, голубая звезда Вега – путеводительница жизненной судьбы героев.

Время в художественном мире Б.К. Зайцева представлено философскими понятиями: *настоящее – прошлое, прошлое – настоящее, настоящее – будущее, жизнь – смерть, конечность – бесконечность, временное – вечное.*

Реальное время неразрывно связано с пространством, т.к. только по описываемым событиям, предметам, названиям исторических реалий можно определить год и месяц (а то и день) их свершения. Событийное время, любимое писателем, – май - сентябрь. Именно в этот период герои наиболее раскрепощены, свободны, настроены на любовь, счастье, жизнь. Они проводят время за городом, в усадьбе, в саду, в лесу, в поле, наслаждаются вечерами звездами и тишиной, размышляют о вечном и бесконечном. В зимнее время герои живут в ограниченном городском пространстве: квартире, комнате, рядом с печкой, в которой потрескивают дрова и от которой идет тепло, много работают, посещают лекции, проводят занятия с учениками или находятся на службе. В отдельных домах собираются, чтобы посмотреть выступления известных артистов, послушать музыку, пообщаться с интересными людьми и развлечься самим. Бездомье героев связано с утратой родного места, поисками хотя бы временного пристанища (служба у господ с проживанием в каморке), сеновалом, постоянной дорогой, сопряженной нередко с бездорожьем и опасностями, связанными с ним. Перцептуальное время представлено

описательно (описание мгновения в сознании героя на пути между жизнью и смертью в определенном пространственном окружении).

Символическое и концептуальное пространство неразрывно связаны со временем и даны в названии вечных понятий: церковь, крест, монахиня, дорога (поиск жизненного пути), земля, небо, звезды, голубая звезда Вега – путеводительница жизненной судьбы героев – напоминает звезду, приведшую волхвов к яслям родившегося Христа – Спасителя человечества.

Выводы

В первой главе рассмотрены основные теоретические вопросы. Дано понятие хронотопа и определена его роль в художественной литературе, дано понятие духовности и представлена ее характеристика и роль в прозе Б.К. Зайцева, описан пространственно-временный комплекс, характерный для творчества Б.К. Зайцева.

Так, хронотоп – (от гр. хронос – время, тоπος – место) – представлен как пространственно-временной комплекс, который находит свое отражение в художественных текстах. Термин *хронотоп* понимается как синтез, единство времени и пространства. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем [137: 897].

В художественном произведении функция хронотопа состоит в выражении личностной позиции, смысла, т.к. содержащиеся в произведении смыслы могут быть объективированы только через их пространственно-временное выражение. Поэтому основными функциями хронотопа в художественных текстах являются жанрообразующая, сюжетообразующая и ассоциативная.

Духовность понимается как деятельная чувствительность человека к добру и злу, прекрасному и безобразному, истинному и ложному. Духовность в христианстве являет внутренний рост человека в совокупности всех качеств: нравственных, интеллектуальных и, прежде всего, духовных.

Нравственность толкуется как «совокупность принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и обществу, а также само поведение человека, основывающееся на этих нормах», как внешний показатель качеств человека, выражающийся в его отношении к людям и зависящий от его духовного состояния.

Христианство всегда говорит не просто о нравственном, но о духовно-нравственном воспитании (духовность ставится на первое место), потому что истинный путь становления человека, прежде всего, на пути духовного очищения.

Особенность всей русской литературы – ее философская глубина, предельная насыщенность духовно-нравственными проблемами. Герои классических произведений русской литературы рассматриваются не просто с общечеловеческой этической точки зрения, а с духовных позиций, выдвигаемых православной церковью. Особое внимание обращается на рассмотрение основных ценностей и составляющих духовно-нравственного бытия человека – добра и зла, веры, церковности, памяти и совести, добродетели и греха, любви и смерти и т. д.

Писателя Серебряного века Б.К. Зайцева и героев его произведений интересует не конкретная видимость вещей, не их внешний облик, а внутренняя сущность; их отношение к коренным вопросам бытия, к уяснению жизни в свете моральных проблем. Наибольшее влияние русской религиозной философии проявляется в стремлении Зайцева проникнуть в неведомое, которое, в отличие от общей ориентации поэтов и писателей Серебряного Века, носит духовный характер. Вечная мудрость Библии направляет искания и прозрения его героев, обращение к духовно-нравственной проблематике литературы – одной из важнейших тенденций изучения художественных произведений Б.К. Зайцева в современном литературоведении.

Основными составляющими духовного мира Б.К. Зайцева являются: человеческая душа как часть космоса и его отражение, поиски христианской веры и Бога; лиризм, вопрос о смысле жизни. Важные составляющие

православной картины мира в произведениях Б.К. Зайцева: понятия греха и искупления; идея духовного пути; образы церкви, креста, звезды, тишины как возможность достижения внутренней гармонии.

Особое внимание в православной картине мира Б.К. Зайцева уделяется жизни души человека, ее спасению через любовь, покаяние и духовные поиски.

Пространство и время в прозе Б.К. Зайцева имеет свои особенности. Художественное пространство в творчестве писателя складывается соотнесенности реального (географического) пространства, событийного, перцептуального и концептуального.

Географическое пространство: Москва, Петербург, Крым, Поволжье, Сибирь, Италия (Флоренция, Рим), Подмосковье, деревня.

Событийное пространство: дом, квартира, лифт; сад, лес, поле, море; дорога.

Реальное время неразрывно связано с пространством, т.к. только по описываемым событиям, предметам, названиям исторических реалий можно определить год и месяц (а то и день) их свершения. Событийное время, любимое писателем, – май – сентябрь. Перцептуальное время представлено описательно (мгновение в сознании человека перед смертью).

Символическое и концептуальное пространство неразрывно связаны со временем и даны в названии вечных понятий: церковь, крест, монахиня, дорога (поиск жизненного пути), земля, небо, звезды, голубая звезда Вега – путеводительница жизненной судьбы героев – напоминает звезду, приведшую волхвов к яслям родившегося Христа – Спасителя человечества.

Иными словами, в творчестве Б. К. Зайцева основное место занимает архетип пути, жизни-странствия, реализующейся в пространственно-временных категориях.

Глава II. Человек перед лицом вечных ценностей

2.1. Основной герой в художественном мире Б.К. Зайцева

Основной герой в произведениях Б.К. Зайцева – обычный человек. Им может быть дворянин, интеллигент, студент, гимназист, артист, композитор, чиновник, деревенский житель: кучер, работник, кухарка и т.п. Героем может быть и разночинец, демократ, революционер (Степан в романе «Дальний край»). Значительная роль в произведениях Б.К. Зайцева отводится женщине. В романе «Дальний край» образ женщины в представлении героев (Пети, Алеши, Степана) поэтизируется, представляется прекрасным, чистым и так или иначе определяет жизненный путь героя.

Основной топос пространства в названных произведениях Б.К. Зайцева – *дом* в оппозиции *бездомье*, которая появляется уже в его ранних произведениях, например, в романе «Дальний край». Понятие «дом» традиционно несет положительную семантику, воплощая «окультуренное

пространство жизни человека, представляющее границы его собственного бытия, созданное для укрытия от внешнего мира» [156: 14], реализуя потребность человека в покое, порядке, накоплении традиций. «Бездомье» же соотносится с темой пути, странничества (испытаний, опасностей), актуализируя «неукорененность человека в мире, его существование в хаосе, пространстве Чужого» [156: 14]. Нахождение в состоянии «бездомья» является дисгармоничным, несущим отрицательную ценность, так как оно всегда связано с «потерей традиций и норм» [90: 16].

В романе «Дальний край» географическое пространство, в котором живут герои, расширенно от Петербурга и Москвы до голодающего Поволжья, Крыма и Сибири, временно действие переносится и за границу, в Италию. При этом герои – родные, друзья, знакомые – проходят каждый свой жизненный путь. Так, революционно настроенный Степан из Петербурга после разгона демонстрации едет с Клавдией (женой) в Дербушевку под Самарой, чтобы помочь голодающим и умирающим в Поволжье от тифа, холеры, цинги. Домом их становится барак. Помощь голодающим оказывается каплей в море, и Степан с Клавдией сами заражаются тифом, после чего, чудом выжив, уезжают в Москву. Приятель Степана Петя, изгнанный из Петербурга за участие в демонстрации, едет к знакомой Ольге Александровне по ее приглашению в ее имение, в деревню, где проводит часть весны и лета. В августе, как и Степан, он оказывается в Москве, где его встречает приятель по институту в Петербурге Алеша и везет к себе на квартиру, где знакомит его со своей сестрой Елизаветой, будущей женой Пети. Москва оказывается наиболее надежным пристанищем для Пети и Елизаветы, но не для других героев. Здесь расходятся пути Клавдии и Степана: Клавдия, родив дочку Нину, в конечном итоге оказывается в психиатрической клинике, Степан, совершив неудачный теракт, попадает на поселение в Сибирь, откуда ему удастся сбежать. Все герои, после всего пережитого каждым из них, оказываются (по разным причинам) во Флоренции, где наслаждаются солнцем, отдыхом, здоровой пищей, мирным небом и морем. Однако из Италии уже не все герои

возвращаются домой. Так, Рим стал последним пристанищем для Алеши: сначала он теряет свою первую возлюбленную, затем нелепо погибает сам. Степан снова оказывается на каторге в Сибири, где берет на себя вину за убийство дежурного унтера (убитого солдатами из мести), чтобы снять подозрение со своих товарищей по каторге и спасти им жизнь, и добровольно идет на казнь.

И только Петя с Лизаветой остаются на этой земле, чтобы пройти по жизни к тому пределу, который в свое время переступят и они. «Дальний край» – это символическое название пространства, предел, конец жизни, переход в иное состояние – смерть, которое суждено пройти каждому человеку. Но это пространство невозможно без времени его прохождения.

Ограниченное пространство – дом, квартира, комната, барак – тесно связано с постоянной дорогой, поисками жизненного пути. Для одних героев дорога полна опасностей и приключений (Алеша, Степан), для других (Петя, Лизавета) – она благополучна и даже радостна.

На всем жизненном пути героев сопровождает космическое пространство. Герои, размышляя о будущем, переживая состояние любви, радости, грусти, постоянно обращают свои взоры к небу, звездам. И освещает им этот путь – голубая звезда Вега, столь любимая автором и неоднократно упоминаемая в романе, даже в его конце. Звезда Вега неоднократно упоминается практически и во всех остальных произведениях Б.К. Зайцева. Ей даже посвящена целая повесть «Голубая звезда», где она оказывается символом жизненного пути всех героев повести.

Событийное время в романе «Дальний край» неразрывно связано с географическим пространством и без пространства вряд ли определимо. Читатель знакомится с героями и они друг с другом в возрасте 17-18 лет, погибают некоторые из них в возрасте 23-26 лет. Герои, будучи студентами, принимают участие в первой русской революции 1905 года в Петербурге, за что терпят наказание от правительства. Роман закончен в 1912 г. Следовательно, время действия героев в романе 8-9 лет. Основные месяцы,

описываемые в романе, – май-сентябрь, когда герои могут быть на природе, гулять по лесу и саду, слушать тишину, любоваться ночным небом, звездами, мечтать и смотреть бесконечно на любимую звезду Вегу. Время в романе становится в отдельных случаях и более конкретным, обозначая день, вечер, конкретное время суток и даже мгновение в жизни героя. Ср.: «Казнь должна была происходить на полянке, в полуверсте от бараков. Он [Степан]...обернулся в сторону бараков и сказал: «Прощайте, братцы!» ...Больше он *ничего уже не мог прибавить*. Перед ним *раскрылась вечность*» [60: 231].

Однако время и пространство становятся и символическими, когда речь идет о быстротечности жизни, жизни и смерти, вечности, которая ожидает всех героев в конце их жизненного пути: «Умер Алёша, умер Степан, – сказал Петя, прислонившись к плечу Лизаветы. – Милый друг, мы остались с тобой вдвоем. Видишь, как беспредельна, сурова и печальна жизнь. Нам надо идти в ней... туда, к тому пределу, который переступим в свое время и мы» [60: 234]. Но автор в этом произведении оставляет читателю надежду на то, что жизнь все-таки прекрасна и продолжается. Лизавета ожидает ребенка – нового человека, который продолжит жизненный путь, начатый предыдущим поколением.

В повести «Голубая звезда» женщина (танцовщица Лабунская) ассоциируется с голубой Вегой и голубой Девой, но невольно оказывается виновницей гибели влюбленного в нее Ретизанова: сначала он стреляется на дуэли из-за нее. Затем, едва поправив свое здоровье после ранения на дуэли, узнает, что его возлюбленная уезжает а границу с англичанином, и, простудившись, умирает. Погибает по нелепой случайности боявшийся лифта и его знакомый Никодимов, с которым из-за возлюбленной Ретизанова произошла дуэль. По рассеянности из-за излишне много выпитого спиртного накануне по возвращении домой Никодимов идет к лифту, в проеме которого его взору предстает видение швейцара из Вены, в которой он едва не умер, и манит его в лифт. В результате герой шагает вперед в пустоту и попадает в

шахту лифта, из которой выбраться не успевает, т.к. на него сверху начинает двигаться лифт.

В повести «Голубая звезда» пространство охватывает Москву и поместье с лугами и пашнями в Подмоскovie, под Звенигородом, где герои отдыхают летом. Замкнутое пространство: дом, комнаты, мансарда, лифт. Неограниченное пространство: лес, поле, дорога, земля, небо, закат, звезды и голубая Вега – символ чистоты, любви, вечности. В повести с Вегой ассоциируется любимая женщина – танцовщица Лабунская, из-за которой двое молодых людей устраивают дуэль.

Время в повести протекает не более года: лето, осень, зима, рождественские праздники, бал-маскарад, пост, пасха и снова весна. За это время погибают оба дуэлянта: и Ретизанов, И Никодимов – один из-за безответной любви, другой – по нелепой случайности; расстается приемная дочь Машура со своим женихом Антоном (пишет ему прощальное письмо).

Еще один из героев повести Христофоров, лежа на весенней земле, видит над собой голубую бездну, в которой он видит небесную водительницу, голубую Деву. «Она была близка и бесконечна, видима и неуловима.... В ее божественном лице была всегдашняя надежда. И всегдашняя безнадежность» [61: 653]. Время и пространство в повести олицетворяется с вечностью и бесконечностью бытия, основа которого жизнь – любовь – смерть. Повесть написана в 1918 г. Однако в ней даже намек нет на революцию или гражданскую войну. У героев повести своя жизнь, свой мир, свои надежды, свои страдания.

По мысли К. Г. Юнга, «дом» связан с состоянием достигнутой гармонии [156: 206]. Поэтому человек в этом пространстве, чувствуя себя защищенным, способен созерцать мир, не желая его переустройства, гармонично существовать в нем. Подобная модель мировидения представлена в образах центральных героев романа «Дальний край» и повести «Голубая звезда», где герои-интеллигенты тонко чувствуют красоту и любовь: «Было видно далекое небо, легкие, весенние облачка. Даль широка и волшебна – в ней можно

утонуть. Милая весна, новая жизнь, любовь!» [60: 64]. Способы создания женского образа в названных произведениях могут быть соотнесены с ранним этапом творчества писателя, когда Зайцев был увлечен пантеизмом и религиозной философией Серебряного века, идеей о высокой миссии метафизического женского начала, а женский образ, как правило, был представлен через призму мужского сознания. Несмотря на то, что лирический герой взрослеет вместе с автором, а в центре произведения оказывается не только любовь, но и дружба между мужчиной и женщиной, позволяющая описать героиню объективно, рассказчик по-прежнему подчеркивает женственность героини, создает вокруг нее божественный ореол, приписывая ей особенную функцию привносить во все гармонию и красоту. Достигает он этого с помощью поэтичной описательности, патетически возвышенных эпитетов: «тонкий профиль», «нежный аромат духов», «туманно-прекрасное видение», «лучезарная женственность» (образ Ольги Александровны в представлениях Пети – «Дальний край»). «Замечательная», «божественная», «беззаботная», «бледна, тонка, в длинных черных перчатках», «божественная легкость», «богиня», «голубая звезда» – Лабунская в мыслях Ретизанова) [61: 551-653].

Для творчества Б.К. Зайцева особенно важен осветленный красотой микрокосм, в котором невозможно существование по рациональным земным меркам. Автор последовательно отстаивает идею априорности чувства в жизни каждой женщины, позволяя при этом ей сохранять свою самость. Несмотря на устремление писателя к христианству, женщина в его творчестве по-прежнему сохраняет черты античного идеала и соловьевской концепции женственности, не ограничивающие женскую индивидуальность идеологическими и биологическими стереотипами.

В повести «Аграфена» главным и единственным героем оказывается женщина, весь ее жизненный путь и выпитая до конца чаша страданий. Мужчины, которых она любила в своей жизни, даны фрагментарно, эпизодически, поверхностно, как будто их и не было. Первый – робкий барчук

студентик, второй – наглый и хамоватый кучер у барыни, где она была в услужении и от которого родила дочку Анюту, третий – тоже барчук, гимназистик, моложе ее на несколько лет. Аграфена проходит горестный путь отверженной женщины, оставшейся одной с ребенком. Радость от общения с повзрослевшей дочерью тоже оказывается недолгой: Анюта, оказавшись брошенной любимым человеком, не выдерживает страданий и кончает жизнь самоубийством, бросившись в омут. Потеряв дочь, Аграфена не видит смысла в земной жизни и, обратившись к Богу, уходит из этого мира в лоно его вечной и всепрощающей любви.

Итак, во всех рассмотренных нами произведениях Б.К. Зайцева отражается не только событийное пространство и время, но и символическое, апокалипсическое, с которым ассоциируется вечность и бесконечность, жизнь – надежды – любовь – смерть. Для всех героев вечность и бесконечность оказываются основным состоянием души.

Пространство и время в повести «Аграфена» представлено более трагично, чем в романе «Дальний край». Пространство в повести более ограничено географическими рамками, зато время, напротив, охватывает весь жизненный путь героини. Пространство в повести – это деревня, усадьба в деревне, сеновал, поле, небольшой город, служба в господских домах. Время событийное – начало (с 17 лет) и конец жизненного пути Аграфены, которой не было еще и 50 лет. Время и пространство связано с поиском жизненного пути, счастья девушки, затем женщины Аграфены. Сначала безответная любовь к молодому барину-студенту, затем – к кучеру Петьке, от которого она родила дочку Анюту, но вынуждена была отдать ее на воспитание в деревню (т.к. с ребенком в услужение к господам не брали), затем любовь к родственнику госпожи Люце, гимназисту, закончившаяся расставанием. И наконец, родной дом с дочерью Анютой и матерью, где Аграфене «жилося хорошо» [60: 287]. Она по совету батюшки вернулась в деревню, чтобы заняться воспитанием повзрослевшей дочери Анюты. Ей она и посвящает всю свою оставшуюся жизнь. Но Анюта повторяет невольно судьбу матери:

полюбив ее, молодой человек вскоре женится на ее подруге. И Анюта, не выдержав предательства, бросается в омут и погибает. Аграфена (перед гибелью Анюты) в своих снах дважды видит монахиню с сосудом: Аграфене монахиня представляется с полным сосудом, Анюте – предлагает испить из сосуда, и та пьет с жадностью, оставляя сосуд пустым. И утром, просыпаясь, Аграфена понимает, что случилось несчастье с Анютой. Кроме того, накануне гибели Анюты в реке тонет ее венок из васильков – символ юности и любви и Аграфены, и Анюты. И Аграфена, не выдержав смерти дочери, умирает от тоски. Но перед смертью на повороте дороги Аграфене представляется видение: «новое, потопляющее всех единым светом Лицо, принимающее в сверхчеловеческое лоно» [60: 293], лицо Господа Бога. А затем дома снова появляется видение: черная монахиня с сосудом, из которого уже Аграфена пьет с жадностью, а затем монахиня подает ей руку и ведет к вечной жизни.

Пространственные показатели в повести не только и не столько географические, сколько символические. Это – дом/бездомье (служба у господ), дорога из дома и домой (поиск пути), сеновал (любовь греховная, безбрачная), поле (безграничное пространство), бесконечное небо, кладбище (конечный путь человека), тонущий венок (символ любви и брака, гибель этой любви), омут (гибель), видения в снах Аграфены черной монахини с сосудом (полным и пустым, испитая чаша страданий), видение Господа Бога, принимающего всех в свое вечное лоно. Время – весь короткий и полный страданий жизненный путь героини, испытавшей радость и покой только перед смертью, перед уходом в вечность. Время любви и надежды – это май-сентябрь, самое любимое и теплое время года героини и автора.

Жизнь многих героинь наполнена испытаниями, подчинена закону выживания. Даже время действия и природные условия в произведениях писателя не благоволят героиням: холодная осень, распутица, грязь, а затем суровая снежная зима. Пространство вынуждает героинь не соответствовать гендерному стереотипу женственности (основой которого является пассивность, покорность, эмоциональная забота, а главными ценностями дом,

семья и дети), принять на себя мужские функции. Героини находятся в постоянном поиске (комфорта, спасения), активно действуют, обеспечивая свою безопасность (Аграфена отдает малолетнюю дочку на воспитание в деревню, чтобы устроиться в городе на работу (с ребенком не берут) и наладить свою личную жизнь, Авдотья ищет пропитание, дрова для обогрева лачуги, дерево для гробов матери и сына). Почти в каждом произведении реализует себя характерный для архетипа «бездомья» хронотоп дороги. В горизонтальной проекции: Аграфена живет то в городе, то в деревне, находится то в поле, то на сеновале, то в усадьбе. Авдотья «кружит по округе», стремясь добыть провизию («Аграфена», «Авдотья-смерть»). В вертикальной путь героинь воплощает прохождение духовных испытаний, стремительное движение к смерти (Аграфена умирает вскоре после гибели дочери; жизненный путь Авдотьи равен не более шести месяцам). Пространство «бездомья» нередко соотносится с ощущением сиротства, одиночества. Аграфена на протяжении всей повести одна со своими проблемами, лишь после рождения дочери читатель узнает, что у нее в деревне есть мать. Авдотья-вдова появляется в деревне Кочки вообще ниоткуда. Судьба обрекает героинь, отдавших все духовные ресурсы проблеме выживания и утративших женскую идентичность, на смерть. Женщина в пространстве «бездомья» не только утрачивает созидательные функции хранительницы очага и традиций, но и приобретает разрушительную роль.

В повести «Авдотья-смерть». Б.К. Зайцев изображает деструктивную модель поведения женщины, создает подчеркнуто антиэстетичный женский образ, чуждый представлениям о женщине русской религиозной философии начала XX в. Отталкивающе-непривлекательный образ Авдотьи (внешность, речевой портрет, мировосприятие и поведение героини) выявляет эволюцию авторского представления о женском начале. Примечательно, что первоосновой подобного (антиэстетичного, антигуманного, обладающего разрушительной энергетикой) воплощения женщины можно считать амбивалентный мифологический образ Богини-матери, сочетающий в себе

дикий хаос и культурный космос, отражающий суть архаических воззрений человека на природу. Богиня-мать предстает воплощением не только жизни, но и смерти, «выступает и как хозяйка небес, и как владычица подземного мира, так как в мировой мифологии преисподняя – пространство, открывающее глубинную мудрость» [35: 43]. Положение между бытием и небытием обуславливает посвященность Богини-матери в тайну мироздания. В мифологическом представлении женщина, дающая жизнь, провозглашается имеющей право ее отнять. Подобно двуликой Богине, Авдотья реализует себя как мать и глава рода, несет ответственность за жизнь сына и старухи матери, в то же время мучает и проклинает обоих. Название повести открыто указывает на ключевую функцию главной героини в пространстве «бездомья»: нести хаос, смерть и разрушение. Своим внезапным появлением Авдотья будоражит жизнь в деревне, пугает мужиков и молодую барышню, намеревается срубить на дрова все близлежащие деревья, желает смерти своим беспомощным близким. Связь Авдотьи с inferнальным началом определяет хтоническая символика, используемая для создания ее образа («костяной оскал с запахом гнили, могилы» [61: 411], а способы создания образа героини интерпретированы через языковую реализацию концепта «смерть» в славянском мире [142: 9]. Смерть есть небытие. Поэтому и Авдотья возникла в Кочках из ниоткуда: «И откуда ее принесло? Из-под земли выскочила! Или уж ветром ее надуло?» [61: 404]. Доминантной внешней характеристикой Авдотьи является ее чрезвычайная худоба, безжизненность и уродливость («прямо скелет», «кости гремят», «худая до чрезвычайности», «длинная тощая фигура», «похожие на ходули ноги», «низкий и хриплый мужской голос», «бледные губы», «белесые глаза с фосфорическим полуголодным блеском», «рванный тулуп» [61: 404], что соотносится с традиционным персонифицированным воплощением образа смерти как худой, болезненной женщины (ср.: худая как смерть, страшна как смерть). Однако Авдотья обладает недюжинной, дьявольской энергией. Она выбивает у крестьянского собрания кусок земли и право на проживание в бывшей господской молочной,

резво «кружит по округе» в поисках пропитания, иступленно бьет старуху-мать и сына. «Сразить Авдотью было нелегко. На слово она отвечала десятью, голос хрипел свое» [61: 404].; «Она и сражалась, носилась, выклянчивала в этом кипении жизнь» [61: 404]. Окружающие испытывают к Авдотье страх и неприязнь: барышню Лизу охватывают приступы тошноты и ужаса при встрече с ней, словно от Авдотьи исходит запах тления, а деревенские мужики отождествляют ее с потусторонним миром, сравнивая с огнедышащим скакуном символом беды, «демоном, служащим темной силе» [Славянская мифология, 1995: 211] и с домовым, представляющим повседневное вмешательство нечисти в человеческую жизнь. Героиня, символически соотносимая с потусторонним миром, является олицетворением смерти и на уровне сюжета, принося гибель всему своему роду мужу, матери, сыну и самой себе. В целом негативные языческие первобытные символы, используемые для создания образа Авдотьи, отражают сущность народных представлений славян о смерти. Однако inferнальные знаки имеют и прямое значение, могут быть объяснены как реалистические детали, целью использования которых является правдивое изображение несовместимых с жизнью условий существования человека в советской действительности. В таком случае апокалиптической предстает уже не Авдотья, а постреволюционная картина мира (анархия, холод, голод, мрак и тревога за будущее). Поэтому, помимо аллегорической нагрузки, «кричащие» экспрессионистические детали в повести обладают и злободневным смыслом, позволяя автору раскрыть состояние всеобщей разрухи и запечатлеть пограничное самоощущение человека в переломный период. Исследователями повести также отмечается, что в ней проявился интерес писателя к феномену житийной литературы, впервые обозначившийся еще в повести «Аграфена» [154: 79]. Однако история русской женщины-крестьянки воспроизведена им в жанре антижития. По мнению Л. Черной, антижитие строится на «опрокидывании во зло» всех стержневых положений жития (боголюбие – безбожие, милосердие – жестокость, смирение – гордыня (ярость), доброта – злоба, внутренняя красота

– уродство, подобность Богу – одержимость дьяволом, благие дела – злодеяния и проч.) [Черная, 2008:114]. Жизнь Авдотьи становится образцом недостойного существования, чуждым не только авторским представлениям о женщине, ее роли в мире, но и противопоставленным христианским ценностям. Однако разрушительной концепции смерти (явленной в пространстве и образе центральной героини) противостоит христианская идея спасения, которая отождествляется с бывшей барышней и учительницей Лизой, представляющей противоположную Авдотье сторону женского начала. Если Авдотья выбрала путь озлобленной агрессии как способ противостояния давлению среды, то Лиза встала на путь созидания (учит крестьянских детей, заботится о могилках на сельском кладбище, молится о спасении близких). Оппозиция Авдотьи и Лизы борьба греха и святости, тьмы и света, зла и добра, смерти и жизни. Разрушительный, стихийный языческий образ крестьянки Авдотьи, основой которого стали представления древних славян о потусторонней силе, – антитеза христианскому образу Лизы. Отметим, что цветовая символика в рассказе подчеркивает борьбу противоположностей, ограничиваясь бинарной оппозицией белое/черное и производными от них оттенками («белеющая прохлада», «родное пепелище», «белые холодные поля», «дымно-молочный туман»). Конфликт в повести разрешается по-христиански через любовь, сострадание: смерть в снегах становится успокоением, долгожданной наградой для Авдотьи, а Лизе открывается сила ее смирения и молитвы. В женских образах повести раскрывается сущность двух ипостасей женского начала: языческого хаоса (Авдотья) и христианского космоса (Лиза). В отличие от динамичной «Авдотьи-смерти», зайцевские героини в романе «Дальний край» и в повести «Голубая звезда» пронизаны импрессионистической эстетикой (герои гуляют по парку или саду, пьют чай, говорят о жизни, любви, слушают тишину), в силу того, что тоpos дома, как правило, сюжетно соотносится с состоянием защищенности и покоя. Различия произведений проявляются и в специфике повествования: в «Дальнем крае» и «Голубой звезде» главными оказываются чувства и мысли лирического героя.

В «Авдотье-смерти» повествователь дистанцирован от изображаемого художественного мира, акцент поставлен на внешние события или взаимодействие реальности и внутреннего мира личности.

Критикой не раз отмечалось, что именно в «повестях смерти» зайцевская проза стала «тверже, увереннее» [139: 78], автор «как будто пожелал глубже и прочнее внедриться в жизнь, найти для ее изображения иные, более густые тона» [5: 337], что проявилось и в нетипичной динамичности сюжета.

Наличие особых стилистических средств (контраст, гипербола), специфика символических образов (распутица, грязь, холод и голод), мрачный колорит сюжета позволяют говорить о том, что Зайцев в повести «Авдотья-смерть» использует несвойственные ему принципы эстетики экспрессионизма. Тогда как изображения женщины в «Дальнем крае» и «Голубой звезде» (согласно соловьевской концепции женственности) представлены как образы свободной творческой личности, главными приоритетами которой являются красота, гармония, гедонистическое принятие мира (Ольга Александровна, Анна Львовна, Лизавета – «Дальний край»; Наталья Григорьевна, Машура, Лабунская – «Голубая звезда») [60: 551-653].

2.2. Вечные ценности в прозе Б.К. Зайцева: жизнь – смерть – любовь

Вечные ценности человека жизнь – любовь – смерть» пронизывают буквально все произведения Б.К. Зайцева. В рассматриваемых нами произведениях они затрагивают судьбы всех героев: прежде всего, тех, кто оставил этот мир в расцвете сил, будучи молодым, и тех, кто не дожил до отведенного ему срока. Все герои расстаются с жизнью неожиданно, в силу случая, ставшего для них несчастьем, конечным путем.

Почти герои мечтают о любви, надеждах, счастье, свободе, готовы и жертвовать собой ради нее. Но не все воспринимают любовь как высшее счастье, ниспосланное Богом.

Образ мира, создаваемый Б.К. Зайцевым в романах, повестях и рассказах, поэтичен, возвышен. Он полон добра, простых человеческих радостей, любви. Даже в печали, в смертные мгновения он светел и ободряющ. Поэтому такая солнечная сила (солнце всегда бог, источник поклонения), завораживающе действующая на читателей. У Зайцева солнце – источник восторга. Во всем предреволюционном творчестве писателя ясно прослеживается стремление к торжеству оптимистического – солнечного –начала, к победе светлого над темным, жизни над смертью. Смерть у Зайцева – «лазорева, несущая глубокое знание», «вводящая в страну мудрости», и потому не страшиться ее надо, а спокойно, благостно готовиться к переходу в иные миры, в инобытие, в жизнь духа [124: 15-16]. *«Алеша очень ослабел. За сутки он перенес страшные мучения, но умирал покойно. Казалось, душу его ничто не обременяло – она свободно уходила в вечность»* [60: 215]. *«Господи, Господи, ты явился мне, ты все у меня взял, вот я нищая перед тобой, но я познала тебя в великой твоей силе. Господи, я вижу твою славу. Господи, возьми меня, я твоя, я тебя люблю»* [60: 293];

Художественным контрапунктом всех произведений Б.К. Зайцева является Жизнь и Смерть человека вообще. Этот «человек вообще» показывается нам не в заботах житейских, читатель не всегда знает, кто он по роду занятий, где служит. Люди из зайцевской России просто живут, их соединяют и разлучают разные земные обстоятельства, некоторые из них уходят из жизни безбоязненно, спокойно, исполненные смирения и мудрого понимания естественной, предопределенной неизбежности конца всего сущего. Зайцев передал читателям поэзию бытия человека и его ухода, умирания [124: 16-17].

Герои Зайцева живут и действуют в земных, обычных условиях, и вместе с тем у каждого из них свой микрокосм, отрешенный от конкретного быта, от повседневности – как бы второй глубокий план, возникающий в раздумьях наедине с собой. Благодаря этой особенности они чувственно, эмоционально сливаются с природой, становятся ее органичной частью, но мыслят себя в

надмирном пространстве, где они возвышенно любят и светло страдают, наслаждаются праздниками жизни и умиротворенно приемлют свои юдоли и саму смерть. Однако в ранних произведениях Б.К. Зайцева начинают все яснее проступать религиозные мотивы. Это – «Дальний край», роман, названный критиками лирическим и поэтическим.

В произведениях Б.К. Зайцева нет отрицательных персонажей. Есть герои, не вызывающие симпатий у одних читателей, но находящие понимание, сочувствие и поддержку у других. Кто-то осудит поведение Клавдии в отношении своей малолетней дочери, страсти и беды Аграфены, циничного Никодимова, бедолажную жизнь Авдотьи по прозвищу «Смерть», а кто-то прочтет эти страницы иначе, и герои откроются ему с другой стороны. Прав будет тот, кто придет к выводу, что герои Зайцева, прежде всего люди, не приспособленные к активной жизни и борьбе. В романе «Дальний край» герои попытались принять участие в революционной борьбе и потерпели крах [124:17].

Те, кто ушел в мир иной, смерть приняли либо со смирением, как Алеша, Степан, Аграфена, Анюта, Ретизанов, либо как нелепый случай, неизбежность (Анна Львовна, Никодимов, Авдотья). Те, кто остался жив, поняли, что их предназначение в другом – более высоком, духовном: Петя и Лизавета, Машура, Христофоров, Лиза.

Тихие восторги и светлые скорби героев глядятся в зеркало природы. На дворе солнце, в небе россыпи звезд, весна разбушевалась – и душа человека распрямляется, веселится, ликует, любит до самозабвения, возвышается. Явилась хлипкая осень, потухли звезды, мокрый туман застлал поля, ветер треплет непрочные крыши деревенских домов – и замкнулись сердца людей, наполнились скорбью, затаились в ожидании света и тепла.

Природа и ее проявления используются автором и в характеристиках действующих лиц. Например, герой повести «Голубая звезда» Ретизанов говорит о другом герое повести Христофорове следующее: «Вы действуете на

меня хорошо. В вас есть что-то бледно-зеленоватое...Да, в Вас весеннее есть. Когда к маю березки... оделись» [124: 18].

Природа у Б.К. Зайцева не фон, не место, где происходят какие-то события, а жизнь человека, погруженная в природно-космическое. В природе разлито настроение, которое улавливают поэты и выражают его в слове. В его задушевных лирических исповедях присутствует атмосфера недосказанности и размышления, в них больше настроения, чем поступков, больше философского созерцания и поэтического изображения, чем сюжетно организованного отражения жизни. В творчестве Б.К. Зайцева всегда преобладает интимный лирик, поэт-созерцатель, певец уединения. Реализуется «тот аспект космического сознания, когда трагические противоречия жизни снимаются, единичное страдание растворяется во всеобщем, а боль за человека отнюдь не перерастает в гнев против несправедливых законов мироздания. Он примирен с известными законами жизни – рождения и смерти. Для его героя не существует счастья или несчастья в общепринятом смысле слова: это категории искусственные, навязанные обществом, живущем неподлинной жизнью. Герой стремится к верности «своему исходу, слиянности с бесконечной природой» [124: 20]. Ср.: *«Зажигались звезды, появилась голубая Вега, давно любимая звезда. Пете казалось, что в этом летнем сумраке он ведет свою подругу в далекий, неизвестный путь, за горами и долами которого скрылись уж друзья их светлой юности, скроются и они сами, как скрывается все в подлунном мире»* [60: 234]; *«Христофоров лег на землю. ...Вот разглядел уж он свою небесную воительницу, стоявшую невысоко, чуть сиявшую золотисто-голубоватым цветом... Это была голубая Дева. Она... была близка и бесконечна, видима и неуловима. В сердце своем соединяла все облики земных любвей, все прелести и печали, все мгновенное, летучее – и вечное. В ее божественном лице была всегдашняя надежда. И всегдашняя безнадежность»* [60: 653].

Итак, во всем творчестве Зайцева (это подтверждают и анализируемые в работе произведения) вечными ценностями для героя оказываются жизнь –

любовь – смерть, слияние человеческой души с природой, божественным и проникновение божественного в сознание человека.

2.3. Россия: основные мотивы и духовные ценности

Образ России представлен в произведениях в описании природы поэтически и возвышенно. В романе «Дальний край» географическое пространство России представлено очень широко: от Петербурга и Москвы и подмосковных деревень и поместий до Поволжья, Крыма и Сибири, где в разное или в одно и то же время оказываются герои романа. Родина ассоциируется с бескрайним пространством, особенно на пути в деревню: полями, покосами, лесами и пр. Все герои, несмотря на сложности и опасности в дороге, основной в описании России, испытывают наслаждение от бескрайних просторов, красоты природы, возникающей перед их взором на пути. При этом наслаждение красотами природы герои испытывают в основном весной и летом, когда легко ехать, светит солнце и опасность в дороге сведена к нулю, даже если впереди их ждет нелегкая и опасная жизнь. Иное дело, зимний путь по бескрайним просторам России. Ср. Степан, герой «Дальнего края», с супругой Клавдией едут весной в Самарскую губернию, где люди страдают от тифа, холеры, цинги, но им предстоящая жизнь, полная лишений и трудностей, с риском для собственной жизни, не мешает наслаждаться красотами русской природы, могущественной и великой реки Волги. *«Но когда в Нижнем сели на пароход, умылись, вышли пить чай в рубку второго класса..., оба почувствовали, как хороша Волга... Чем дальше спускался пароход, – тем плавней, вольней разворачивалась Волга. Это чудесная река. Казалось, так можно плыть очень далеко, и все будет хорошо, никогда не надоедят берега, раздвигающиеся каждый час по-новому, ширь воды, ветер»* [60: 65-67]. Великая река в сознании героев ассоциируется с могуществом Руси, с былинными богатырями, с родиной знаменитого разбойника Стеньки Разина: *«На Волге, в ее блеске и раздольном ветре, ярче*

горит кумач на рубахах; радостней сила – крючники поднимают по десяти пудов, и хоть надрываются иногда – все же они молодцы и зубоскалы. Кажется, здесь независимей и красивей женщина. Как-никак, это родина Разина... С каждым поворотом река раскрывалась шире, светлее, покойнее. Она сияла могуче, как великий путь славы. Глядя на нее, Степан вспомнил Толстого, старых былинных богатырей. Вот они откуда!.. И простор неба, и Волга, поля, степи – все было грандиозно в эти ночи. «Великое царство», – думал Степан: его охватывало жуткое, огромное чувство – будто он смотрит в глаза сонному богатырю» [60: 66-68, 71]. И другому герою романа Алеше Россия кажется не менее величественной и прекрасной, чем Степану. «Уже за Бутовым, под Москвой, Алеша увидел зеленеющие березки, всходы яровых, грачей. Было тепло, солнечно, доносилось благоухание весенней России» Ему хотелось «крикнуть что-то этим полянам, прижать к сердцу весь мир: это был первый его выезд в далекие края». В Крыму Алеша не сразу догадался, «что темно-синяя громада, незаметно переходящая в небо, и есть Черное море. Оно оправдывало свое название. Какая могучая, роскошная синева! Алеша залюбовался» [60: 142]. Еще один герой романа Петя, находясь на летнем отдыхе в усадьбе деда, подошел вместе со Степаном небольшому кургану, «лег на спину, повернул голову боком, – стал смотреть на закат: ему представились необычайные краски, дивной красоты, и вся страна, весь горизонт казались полными прелести». Но Россия перед героями и читателями встает и другая. Она иная в Сибири. «Россия велика и молчалива. Сколько слез, стонов и унижений вытерпело русское сердце, этого не измеришь. Не сочтешь сил, сгубленных в ссылках. Не узнаешь тех тысяч, что с давних времен до наших дней со звоном кандалов меряют сибирские пустыни, искупая прегрешения или платя за пыл душевный. Им числа нет. И пока мы живем, любим, враждуем, они идут. Их кандалы звенят... И далее: Когда наступила весна и тронулся лед, все ночи стоял его грохот. Что-то титаническое было в нем. Можно было подумать, что это не река, а озеро, море. И такие же были леса вокруг, похожие на океаны, и такие же звезды ночью. Как будто

все в этой стране создано богатырями, для богатырей» [60: 185]. Однако Россия и в Сибири, в месте ссылок и каторги, даже перед смертью герою кажется прекрасной. «Перед вечером, когда солнце коснулось вершин елового леса, Степан, глядя на него, почувствовал впервые, что и в этом краю печали есть своя красота. Закат сиял долго, победоносно золотя небольшие облачка, и этот его блеск казался торжественным и неземным» [60: 230].

В повести «Аграфена», героиня, возвращаясь после долгих лет разлуки с дочерью и матерью, видит величественную Россию, мощь которой воспекает вместе с Аграфеной автор. *«О, ты родина! О, широкие твои сени – придорожные березы, синеющие дали верст, ласковый и утешительный привет безбрежных нив! Ты безмерная, к тебе припадает усталый и загнанный, и своих бедных сынов ты берешь на мощную грудь, обнимаешь руками многоверстными, поишь извечной силой. Прими благословения на вечные времена, хвала тебе, Великая Мать» [60: 285].* Неразрывную связь с родной землей испытывает еще один герой Б.К. Зайцева Христофоров: *«Казалось, что не так легко отделить свое дыхание от плеска ручейка в овраге, ноги ступали по земле, как по самому себе, голубоватая мгла внизу, над речкой, была частью его же души – и он сам – в весенней зелени зеленой» [60: 653].*

Совсем иной оказывается Россия зимой. Она так же величественна и могущественна, но и полна опасностей для обычного человека. Многие несчастья и беды с героями Б.К. Зайцева происходят зимой. Так, Алеша – один из героев романа «Дальний край» поехавший зимой в деревню за документами, необходимыми для венчания его сестре Лизавете, едва не погибает в дороге во время метели. Погибает в метель и Авдотья-смерть, решившая коротким путем добраться до дому Зимой происходит дуэль между двумя другими героями Б.К. Зайцева (повесть Голубая звезда») Никодимовым и Ретиназовым, в результате которой Ретиназов тяжело ранен, а его соперник Никодимов (трижды видевший сон со швейцаром, приглашавшим его в лифт) в конечном итоге погибает в лифте, в проеме которого увидел все-таки того

швейцара, которого до этого видел во сне. Горестная, несчастливая любовь Аграфены и зачатие ребенка происходят тоже зимой. В «Авдотье-смерти» все ее близкие: старуха-мать, сын Мишка и она сама – тоже погибают зимой.

Итак, бескрайние пространства России, дороги, леса, поля и реки не только прекрасны и величавы, но и опасны для человека, особенно в зимнее время. Воспевая красоту и величие России, родины, Б.К. Зайцев отдает дань ее просторам, величию ее рек, полей, лесов, бескрайним земле и небу, сравнивает ее с могучими богатырями, восхищается ее мощью и красотой, называя Великой матерью. Однако Великая Мать может стать и мачехой для тех, кто ведет необдуманный и противоестественный образ жизни. Если Россия – родной дом для героев «Дальнего края», «Голубой звезды» и даже «Аграфены», то в «Авдотье-смерти» она приобретает характерные признаки «бездомья», инфернальные черты, становится местом гибели с доминирующими мотивами тьмы, холода, уродства. Для адекватного изображения катастрофичной реальности Зайцев дистанцируется от прежней эстетической манеры, прибегает к другой стилистической системе и технике повествования. Место «привычной акварельности, панлиричности и импрессионистической бессюжетности» [(Полонский: 641)] занимает мрачный колорит и рельефные образы. Писатель изображает советскую Россию как профанное, апокалиптическое пространство, используя нетипичные для его творчества в целом черты экспрессионизма. Подобный прием призван отразить силу противоречий прошлого и настоящего: исследовательский фокус перемещается на другой социальный слой героини-интеллигентки уступают место фермерам и крестьянам, позволяя представить трагедию революции не только с позиции близкого и понятного автору круга, но и с точки зрения человека из народа, лишенного возможности бежать из страны. Иным становится и ракурс изображения: идиллические помещичьи пейзажи сменяются грубыми картинами деревенской жизни. «Как ужасно размокают дороги! Выехать значит хлюпать в грязи по ступицу. А потом все замерзнет. Телеги грохочут, людей в них швыряет, что же поделаешь? Это родина. Это

Россия» [61: 438]. В отличие от дореволюционных произведений, в которых деревенские и городские пейзажи имеют возвышенную символику: яблоневого сада, леса, полей, реальность в «смертной повести» предстает в предельно сниженном, коннотативно-отрицательно окрашенном пространстве. Это «бывшая молочная, ставшая ветхой лачугой с земляным полом, в «Авдотье-смерти». Молоко соотносится с эликсиром жизни, возрождения и бессмертия, заботы, а также плодородия (райское изобилие обозначается образами меда и молока) [146: 248], поэтому разоренная молочная кухня – знак упадка и вырождения. [61: 461], является отражением «трансформации из возвышенного в низкое, из великого в ничтожное» [146: 302]. Новая действительность России у Зайцева лишена архетипических черт дома, наполнена испытаниями, подчинена закону выживания. Даже время действия и природные условия не благоволят героине: холодная осень, распутица, грязь, а затем суровая снежная зима.

Выводы

Итак, во второй главе рассмотрены основные герои проанализированных произведений Б.К. Зайцева, представлены и описаны вечные ценности, обозначенные в его произведениях, представлен образ России, ее мотивы и ценности.

Основной герой в произведениях Б.К. Зайцева – обычный человек. Им может быть дворянин, интеллигент, студент, гимназист, артист, композитор, чиновник, деревенский житель: кучер, работник, кухарка и т.п. Героем может быть и разночинец, демократ, революционер. Значительная роль в произведениях Б.К. Зайцева отводится женщине, образ которой поэтизируется, представляется прекрасным, чистым и так или иначе определяет жизненный путь героя.

Основной тоpos пространства в названных произведениях Б.К. Зайцева – дом в оппозиции *бездомье*. Понятие «дом» традиционно несет положительную

семантику, воплощая «окультуренное пространство жизни человека, представляющее границы его собственного бытия, созданное для укрытия от внешнего мира», реализуя потребность человека в покое, порядке, накоплении традиций. «Бездомье» же соотносится с темой пути, странничества (испытаний, опасностей), актуализируя «неукорененность человека в мире, его существование в хаосе, пространстве Чужого. Нахождение в состоянии «бездомья» является дисгармоничным, несущим отрицательную ценность, так как оно всегда связано с «потерей традиций и норм».

«Дальний край» – это символическое название пространства, предел, конец жизни, переход в иное состояние – смерть, которое суждено пройти каждому человеку. Но это пространство невозможно без времени его прохождения.

Ограниченное пространство – дом, квартира, комната, барак – тесно связано с постоянной дорогой, поисками жизненного пути. На всем жизненном пути героев сопровождает космическое пространство. Герои, размышляя о будущем, переживая состояние любви, радости, грусти, постоянно обращают свои взоры к небу, звездам. И освещает им этот путь – голубая звезда Вега, столь любимая автором и неоднократно упоминаемая в его произведениях. Ей даже посвящена целая повесть «Голубая звезда», где она оказывается символом жизненного пути всех героев повести.

Время и пространство становятся и символическими, когда речь идет о быстротечности жизни, жизни и смерти, вечности, которая ожидает всех героев в конце их жизненного пути.

Для творчества Б.К. Зайцева особенно важен осветленный красотой микрокосм, в котором невозможно существование по рациональным земным меркам. Автор последовательно отстаивает идею априорности чувства в жизни каждой женщины, позволяя при этом ей сохранять свою самость. Несмотря на устремление писателя к христианству, женщина в его творчестве по-прежнему сохраняет черты античного идеала и соловьевской концепции

женственности, не ограничивающие женскую индивидуальность идеологическими и биологическими стереотипами.

Итак, во всех рассмотренных нами произведениях Б.К. Зайцева отражается не только событийное пространство и время, но и символическое, апокалипсическое, с которым ассоциируется вечность и бесконечность, жизнь – надежды – любовь – смерть. Для всех героев вечность и бесконечность оказываются основным состоянием души.

Время – весь короткий и полный страданий жизненный путь героини, испытавшей радость и покой только перед смертью, перед уходом в вечность. Время любви и надежды – это май-сентябрь, самое любимое и теплое время года героини и автора.

Жизнь многих героинь наполнена испытаниями, подчинена закону выживания. Пространство вынуждает героинь не соответствовать гендерному стереотипу женственности. Героини находятся в постоянном поиске (комфорта, спасения), активно действуют, обеспечивая свою безопасность. Почти в каждом произведении реализует себя характерный для архетипа «бездомья» хронотоп дороги. Пространство «бездомья» нередко соотносится с ощущением сиротства, одиночества. Фактически почти все герои и героини рассматриваемых произведений Б.К. Зайцева либо одиноки, либо не имеют родителей. Судьба обрекает героинь, отдавших все духовные ресурсы проблеме выживания и утративших женскую идентичность, на смерть. Женщина в пространстве «бездомья» не только утрачивает созидательные функции хранительницы очага и традиций, но и приобретает разрушительную роль.

Положение между бытием и небытием обуславливает посвященность Богини-матери в тайну мироздания. В мифологическом представлении женщина, дающая жизнь, провозглашается имеющей право ее отнять.

Наличие особых стилистических средств (контраст, гипербола), специфика символических образов (распутица, грязь, холод и голод), мрачный колорит сюжета позволяют говорить о том, что Зайцев в повести «Авдотья-

смерть» использует несвойственные ему принципы эстетики экспрессионизма. Тогда как изображения женщины в «Дальнем крае» и «Голубой звезде» представлены как образы как свободной творческой личности, главными приоритетами которой являются красота, гармония, гедонистическое принятие мира [60: 31-236; 551-653].

Вечные ценности человека жизнь – любовь – смерть» пронизывают буквально все произведения Б.К. Зайцева. В рассматриваемых нами произведениях они затрагивают судьбы всех героев: прежде всего, тех, кто оставил этот мир в расцвете сил, будучи молодым, и тех, кто не дожил до отведенного ему срока. Все герои расстаются с жизнью неожиданно, в силу случая, ставшего для них несчастьем, конечным путем.

Почти герои мечтают о любви, надеждах, счастье, свободе, готовы и жертвовать собой ради нее. Но не все воспринимают любовь как высшее счастье, ниспосланное Богом.

Образ мира, создаваемый Б.К. Зайцевым в романах, повестях и рассказах, поэтичен, возвышен. Он полон добра, простых человеческих радостей, любви. Даже в печали, в смертные мгновения он светел и ободряющ. Поэтому такая солнечная сила (солнце всегда бог, источник поклонения), завораживающе действующая на читателей. У Зайцева солнце – источник восторга. Во всем предреволюционном творчестве писателя ясно прослеживается стремление к торжеству оптимистического – солнечного –начала, к победе светлого над темным, жизни над смертью. Художественным контрапунктом всех произведений Б.К. Зайцева является Жизнь и Смерть человека вообще. Этот «человек вообще» показывается нам не в заботах житейских, читатель не всегда знает, кто он по роду занятий, где служит. Люди из зайцевской России просто живут, их соединяют и разлучают разные земные обстоятельства, некоторые из них уходят из жизни безбоязненно, спокойно, исполненные смирения и мудрого понимания естественной, предопределенной неизбежности конца всего сущего.

В произведениях Б.К. Зайцева нет отрицательных персонажей. Есть герои, не вызывающие симпатий у одних читателей, но находящие понимание, сочувствие и поддержку у других.

Природа у Б.К. Зайцева не фон, не место, где происходят какие-то события, а жизнь человека, погруженная в природно-космическое. В природе разлито настроение, которое улавливают поэты и выражают его в слове. В его задушевных лирических исповедях присутствует атмосфера недосказанности и размышления, в них больше настроения, чем поступков, больше философского созерцания и поэтического изображения, чем сюжетно организованного отражения жизни. В творчестве Б.К. Зайцева всегда преобладает интимный лирик, поэт-созерцатель, певец уединения. Реализуется «тот аспект космического сознания, когда трагические противоречия жизни снимаются, единичное страдание растворяется во всеобщем, а боль за человека отнюдь не перерастает в гнев против несправедливых законов мироздания. Он примирен с известными законами жизни – рождения и смерти. Герой стремится к верности «своему исходу, слиянности с бесконечной природой»

Итак, во всем творчестве Зайцева вечными ценностями для героев оказываются жизнь – любовь – смерть, слияние человеческой души с природой, божественным и проникновение божественного в сознание человека.

Образ России представлен в произведениях в описании природы поэтически и возвышенно. Родина ассоциируется с бескрайним пространством, особенно на пути в деревню: полями, покосами, лесами и пр. Все герои, несмотря на сложности и опасности в дороге, основной в описании России, испытывают наслаждение от бескрайних просторов, красоты природы, возникающей перед их взором на пути. При этом наслаждение красотами природы герои испытывают в основном весной и летом, когда легко ехать, светит солнце и опасность в дороге сведена к нулю, даже если впереди их ждет нелегкая и опасная жизнь. Иное дело, зимний путь по бескрайним

просторам России. Россия так же величественна и могущественна, но и полна опасностей для обычного человека.

Воспевая красоту и величие России, родины, Б.К. Зайцев отдает дань ее просторам, величию ее рек, полей, лесов, бескрайним земле и небу, сравнивает ее с могучими богатырями, восхищается ее мощью и красотой, называя Великой матерью. Но это дореволюционная Россия.

Советскую Россию писатель изображает как апокалиптическое пространство, используя нетипичные для своего творчества в черты экспрессионизма. Подобный прием призван отразить силу противоречий прошлого и настоящего: исследовательский фокус перемещается на другой социальный слой герои-интеллигенты уступают место фермерам и крестьянам, позволяя представить трагедию революции не только с позиции близкого и понятного автору круга, но и с точки зрения человека из народа, лишенного возможности бежать из страны. В отличие от дореволюционных произведений, в которых деревенские и городские пейзажи имеют возвышенную символику яблоневого сада, леса, полей, реальность в «смертной повести» предстает в предельно сниженном, коннотативно-отрицательно окрашенном пространстве. Новая действительность России у Зайцева лишена архетипических черт дома, наполнена испытаниями, подчинена закону выживания.

Заключение

Сложность поставленных вопросов вызывает необходимость рассмотреть в каждой главе особенности изучения духовно-нравственной составляющей творчества Б. К. Зайцева. В первой главе последовательно рассмотрены понятия хронотопа и его отражение в художественной литературе, духовности и ее отражения в творчестве Б.К. Зайцева, составляющих духовности творчества Б.К. Зайцева, пространства и времени в прозе писателя.

Во второй главе обращено внимание на человека перед лицом вечных ценностей, характеристику основного героя в художественном мире Б.К. Зайцева, представление вечных ценностей в прозе Б.К. Зайцева: жизнь – смерть – любовь, образа России и ее духовных ценностей.

В творчестве писателя исследовано проявление веры, любви, смирения, милосердия, страха Божия, совести, молитвы, надежды, покаяния, терпения во скорбях как важнейших среди них. Рассмотрено значение библейского слова и христианских символов в творчестве Б. К. Зайцева 1900-1920-х годов: церкви, неба, звезды и других.

Проведенное исследование показало, что в более, чем 100-летнем изучении творчества Б. К. Зайцева, наметилось много противоречивых оценок и мнений, нуждающихся в уточнении и дополнительной разработке: проблема периодизации зайцевоведения (границы периодов), трактовка раннего творчества писателя, проблема соотношения в его произведениях христианского мироощущения с такими тенденциями, как пантеизм, космизм, мистицизм.

В периодизации творчества Б.К. Зайцева необходимо сделать уточнения: недооценка Первого периода приводила к «разделению» творчества писателя на этапы, не связанные внутренней духовной составляющей (Б.К. Зайцев раннего периода оценивался как пантеист, импрессионист, художественно воплотивший положения Вл. Соловьева, в поздний – как писатель-христианин). Это умаляло функциональную значимость Первого периода

творчества писателя. Изучение истории зайцевоведения в аспекте духовно-нравственных проблем (христианской составляющей) выявило разрозненность и неоднородность критических откликов и исследований, проявило необходимость целостного рассмотрения мировоззрения Б. К. Зайцева, отраженного в картине мира его произведений (ключевых в заявленном плане).

Исследование Первого периода творчества писателя в аспекте «картина мира» показало, что именно в первые два десятилетия XX века происходит становление Б. К. Зайцева как духовного писателя. В раннем творчестве писателя многие духовно-нравственные проблемы решены в православном ключе. Это проявилось в сознательном обращении писателя к основным составляющим православной картины мира, таким, как любовь, смирение, покаяние, духовный путь к Богу, странничество.

Любовь осознается Б. К. Зайцевым как Божественное начало, разлитое в мире. Благоговейное отношение к природе, восхищение ее красотой и устроенностью, столь характерные для писателя, вызваны видением в ней Творца, Его любви к человеку. Любовь Бога к человеку Б.К. Зайцев усматривает и в прохождении земного пути, с чем связано смиренное принятие судьбы его героями, а также постоянное авторское благословение всего, посылаемого в жизни: любви, счастья, страдания. Любовь лежит в основе творения православной картины мира писателя, она наделяет смыслом существования, одухотворяет бытие человека. Персонажи, познавшие истинную любовь, приходят и к другим православным добродетелям. В связи с этим в произведениях Б.К. Зайцева любовь воспринимается как величайшая ценность жизни.

Понятие греха в творчестве Б.К. Зайцева осмыслено религиозным сознанием: он понимается как беззаконие по отношению к своей душе, нанесение раны, лечение которой требует труда, скорби и страданий. Герои произведений постепенно приходят к осознанию, что скорби есть знак очищения от грехов, путь преображения души и приближения к Богу, и их

нужно принимать с благодарностью и смирением. Во многих произведениях Б.К. Зайцева явлен такой путь к вере: через осознание своих грехов, раскаяние, молитву к искуплению в страданиях. Сосредоточение на внутренних проявлениях преступления, греха человека свидетельствует об особом внимании писателя к душе.

Идея духовного пути человека в творчестве писателя ярко реализуется через мотив странничества. Герой-странник, характерный для произведений Б.К. Зайцева, осмыслен в русле святоотеческой традиции: каждый человек – путник на дорогах земной жизни, ощущает временность этого пути и, стремясь к высшему отечеству, находится в постоянном поиске духовно-нравственных ориентиров и Бога. Чувства, которые испытывают персонажи на этом пути, многообразны: одиночество, тоска и скорбь, бездомность, созерцание красоты мира, жажда встречи с высшим, смирение в переживании земных несчастий, но в конечном счете – полное приятие этого пути.

Средством создания духовной реальности в православной картине мира Б.К. Зайцева является христианская символика и сакральное слово. Образы церкви, креста, небесных светил в произведениях писателя возводят к высшей реальности и приобретают значение символа: за миром вещей и явлений – феноменальным миром, встает мир невидимый, идеальный, ноуменальный. Частое введение в повествовательную ткань произведений образа церкви совершенно оправдано православным взглядом писателя на ее роль в мире. И не случайно она выступает центром вселенной в рассмотренных рассказах. Церковь – это не только сакральное сооружение, не только отражение небесного устройства в сообществе православных людей и в душе каждого православного человека, но и важнейшее средство на пути спасения каждого православного христианина. Мотив тишины также приобретает в творчестве писателя концептуальное значение – указывает на присутствие Божественного начала в природе и человеческом сознании.

Христианская духовная доминанта соединяет все этапы творчества писателя, а произведения 1900-1920-х годов пронизаны православным

мироощущением (благоговением перед Божьим миром, благословением любви, смиренным приятием страдания на пути к искуплению, понимание жизни как странничества).

Таким образом, цели и задачи, поставленные в работе, выполнены. Актуальность, новизна, теоретическое и практическое значение определены.

Список использованной литературы

1. Абашева, Д. В. Литературное произведение в контексте традиционной духовности : учеб. пособие. – Чебоксары : Изд-во Чуваш, пед. ин-та, 1997. – 58 с.
2. Абашева, Д. В. «Духовный хлеб» поэзии А. Н. Майкова / Д. В. Абашева // Русское литературоведение на современном этапе : материалы У1Международ. конф.: сб. науч. тр. : в 2 т. Т.1. – М.: РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова, 2007. – С. 50-53.
3. Абашева, Д. В. Братья Языковы в истории русской литературы и фольклористики / Д. В. Абашева. – М.: Таганка, 2009. – 444 с.
4. Абишева У. К. Неореализм в русской литературе 1900-10-х годов – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. – 286 с.
5. Адамович Г. Борис Зайцев// Адамович Г. Одиночество и свобода. Литературно-критические статьи. – СПб., 1993. – С. 102-113.
6. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. Т.3. Изд-е 4-ое перераб. – Берлин: Слово, 1923.
7. Антропологическая функция пространства в малой прозе Б.К. Зайцева... docplayer.ru/39137234-...
8. Аринина, Л. М. Роман Б. Зайцева «Золотой узор» и его место в творческой биографии писателя / Л. М. Аринина // Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева: сб. ст.: Вторые междунар. Зайцев, чтения. – Калуга: Гриф, 2000. – С. 72-76.
9. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
10. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
11. Арутюнова Н.Д. Жанры общения// Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. – М.: наука, 1992. – С. 136-137.
12. Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. М., 1982; Бабенко, Н. П. Концепт «тишина» в сборнике рассказов Б. К. Зайцева «Тихие зори» / Н. П. Бабенко // Нижегородский текст

русской словесности: межвуз. сб. науч. ст. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2009. – С. 178-181.

13. Бабенко, Н. П. Православный образ мира в ранних рассказах Б. К. Зайцева («Тихие зори», «Священник Кронид», «Ласка») / Н. П. Бабенко // Вестн. Чуваш. ун-та. 2009, № 3. – С. 278-282. Ъ

14. Бабенко, Н. П. Тема любви в творчестве Б.К.Зайцева 1910-х гг. / Н. П. Бабенко // Науч. - информ. Вести, докторантов, аспирантов, студентов. – 2009, № 1 (13). – С. 116-118.

15. Бабенко Н. П. Духовно-нравственные проблемы творчества Б.К. Зайцева 1900-1920-х годов. Автореф. дис...канд. филол.н. –

16. Баландина, М. Б. Художественный мир Б. Зайцева: метод, материалы к спецкурсу – Магнитогорск: Изд-во МаГ, 2003. – 34 с.

17. Баландина М.Б. Художественный мир Б. Зайцева: поэтика хронотопа: поэтика хронотопа. Автореф. дис. ... канд. филол. наук – Магнитогорск, 2003. – 20 с.

18. Бараева, Л. Н. Традиции житийной литературы в книге Б. Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский» / Л. Н. Бараева // В поисках гармонии (О творчестве Б. К. Зайцева): межвуз. сб. научн. тр. – Орел: Изд-во ОГУ, 1998. – С. 35-43.

19. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по истор. поэтике // Бахтин М.М. Литературно-критические. статьи. – М.: Художеств. лит-ра, 1986. – 543 с.

20. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики: – М.: Худ. лит-ра, 1975. – С. 234-407.

21. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Худож. лит-ра, 1979. Большой психологический словарь / Сост. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – М.: Олма-пресс, 2004. – 886 с.

22. Блок А. О реалистах//Золотое руно. – 1907, № 5.

23. Боровинская Т. В. Трансформация жанра жития в литературе XX в.: Г. К. Честертон и Б. К. Зайцев // Литература Русского Зарубежья: в 4 ч. Ч. 4. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1998. – С. 30-35.
24. Брюсов В. Это лирика в прозе//Золотое руно. - М, 1907. - № 1. - С. 77-78.
25. Ванюков, А. И. Повести Б. К. Зайцева: автор – время – герои – структура / А. И. Ванюков // Вторые Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева: сб. ст.: Вторые междунар. Зайцев, чтения. – Калуга: Гриф, 2000. – С. 53-62;
26. Варакина, Е. Р. Картина мира в лирике Г. Иванова и архиепископа Иоанна (Шаховского). – М.: МАКС Пресс, 2010. – 196 с.
27. Вахитова, Т. М. Художественная картина мира в прозе Леонида Леонова: (структура, поэтика, эволюция) / Т. М. Вахитова. – СПб : Наука, 2007. – 316с.
28. Вилесова М. Л., Хатямова М. А. Антропологическая функция пространства в малой прозе Б. К. Зайцева 1920-х годов// Сибирский филологический журнал, № 1.– Томск: Томский педагогический гос. ун-т, 2016. – С. 53-62.
29. Воропаева Е. Жизнь и творчество Бориса Зайцева//Зайцев Б.К. Сочинения: В 3 т.: Т. 1. – М: Худож. лит.; ТЕРРА, 1993. – С.5-47; 75.
30. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука. 1981. – 187 с.
31. Гиппиус З. Тварное//Весы. - М.: Книгоизд-во «Скорпион», 1907, № 3. – С.71-73.
32. Глушкова Н. Б. Паломнические «хождения» Б. К Зайцева: (особенности жанра). – Москва, 1999.
33. Горбунов Д. Мертвая красота и живучее безобразие//Красная новь. – 1926, №7. – С. 238-240.
34. Горнфельд А.Г. Лирика космоса. // Горнфельд А.Г. Книги и люди. Литературные беседы. Т. 1. – М., 1908. – С. 14.
35. Горшунова О. В. Женское божество в системе религиозно-мировоззренческих представлений народов Средней Азии. – М.: ИЭА РАН.

36. Грибановский П. Б.К. Зайцев (обзор творчества)//Русская литература в эмиграции. – Питтсбург, 1972. – С.133-150.
37. Грибановский, П. В. Борис Константинович Зайцев (обзор творчества) / П. В. Грибановский // Русская литература в эмиграции: сб. ст. / под ред Н. П. Полторацкого. – Питтсбург: Отд-е слав. яз. и литератур Питтс. ун-та, 1972. – С. 133-151.
38. Грибановский П. В. Зайцев о монастырях / П. В. Грибановский // Вестник РСХД. – Париж, 1976, № 117. – С. 70-80.
39. Гуманитарные науки и православная культура: V Пасхальные чтения / науч. ред. И. Г. Минералова. – М.: Изд-во МПГУ, 2008. – 321 с.
40. Гуревич Л. Я. Приближение кризиса. «Верность» Бориса Зайцева / Л. Гуревич // Гуревич, Л. Я. Литература и эстетика / Л.Я. Гуревич. – М.: Рус. мысль, 1912. – С. 91-98.
41. Гуревич А.Я. Категории ср.-век. культуры. – М., 1984. – 180 с.
42. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х тт. Т. 1. – М.: Дрофа Русский язык Медиа, 2008. – 699 с.
43. Драгунова Ю. А. Борис Зайцев и Федор Достоевский: моменты творческой дискуссии / Ю. А. Драгунова // Текст: грани и границы: сб. науч. ст. – Орел: Изд-во ОГПУ, 1995. – С. 87-94.
44. Драгунова, Ю. А. Особенности творчества Б. К. Зайцева начала XX в.: к проблеме героя / Ю. А. Драгунова // Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева: сб. ст.: Первые междунар. Зайцев, чтения. – Калуга: Гриф, 1998. – С. 25-36.
45. Драгунова Ю. А. Б. Зайцев и И. Тургенев: к проблеме творческой полемики / Ю. А. Драгунова // Традиции в русской литературе: межвуз. сб. науч. тр. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2000. – С. 135-145.
46. Драгунова, Ю. А. Б.К. Зайцев: художественный мир: в помощь учителю / Ю. А. Драгунова. – Орел: Орлик, 2005. – 129 с.
47. Дунаев, М. М. Православие и русская литература: в 5 ч. – М.: Христианская литература, 1996.

48. Дунаев, М. М. Вера в горниле сомнений: православие и русская литература в XVIII-XX веках. – М.: Изд. совет Русской Православной Церкви, 2002. – 1056 с.
49. Духовно-нравственные основы русской литературы: сб. науч. ст. / науч. ред. Ю. В. Лебедев. - Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. – 446 с.
50. Духовный потенциал русской классической литературы: сб. науч. тр. – М.: Русский мир, 2007. – 592 с.
51. Евгеньев-Максимов, В. Е. Очерк истории новейшей русской литературы: этюды и характеристики / В. Е. Евгеньев-Максимов. – 2-е изд. – Л.: ГИЗ, 1926. – 259 с.
52. Ермолин, Е. А. Символы русской культуры X-XVIII вв. – Ярославль: Яросл. гос. пед. ун-т, 1998. – 116 с.
53. Есаулов, И. А. Категория соборности в русской литературе. – Петрозаводск, 1995. – 287 с.
54. Есаулов, И. А. Пасхальность русской словесности. – М.: Круг, 2004. – 560 с.
55. Есаулов, И. А. Новые категории филологического анализа для постижения русской классики / / И. А. Есаулов // Духовный потенциал русской классической литературы: сб. науч. тр. – М.: Русский мир, 2007. – С. 94-102.
56. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учеб. пособие. 8-е изд. – М. : Флинта; Наука, 2007. – 248 с.
57. Духовная жизнь в России с начала XX в. по начало XXI в. – Духовная...studwood.ru/637612/sotsiologiya/...
58. Ермаковская Т.А. Лексико-семантическое цвето-световое поле в прозе Б.К. Зайцева. Автореф. дис... канд. филол. н. – М.2011.– 23 с.
59. Завгородняя Н.И. Образ художника в беллетризованных биографиях Б.К. Зайцева «Жизнь Тургенева», «Жуковский», «Чехов». – Барнаул, 1996.
60. Зайцев Б.К. Дальний край. – М.: Современник, 1990. – 665 с.
61. Зайцев Б.К. Осенний свет. – М.: Современник, 1990. – 460 с.

62. Захарова В.Т. Импрессионистические тенденции в русской прозе начала XX века. – М., 1995. – 156 с.
63. Захарова В. Т. Роль лирико-импрессионистического начала в раннем творчестве Б. К. Зайцева // Импрессионистические тенденции в русской прозе начала XX века. – М.: Моск. пед. ун-т, 1993. – 162 с
64. Захарова В. Т. Лейтмотив в художественном сознании Б. Зайцева-романиста // Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева: сб. ст.: Третьи междунар. Зайцев, чтения. Вып. 3. – Калуга : Гриф, 2001. – С. 29-42.
65. Зверев, В. П. Федор Глинка русский духовный писатель / В. П. Зверев. – М.: Пашков дом, 2002. – 544 с.
66. Зеньковский В. В. прот. Религиозные темы в творчестве Б. К. Зайцева: к пятидесятилетию литературной деятельности. – Вести. РСХД: 1952, № 1. – С. 18-24.
67. Иезуитова Л. А. В мире Бориса Зайцева // Зайцев, Б. К. Земная печаль: из шести книг. – Л.: Лениздат, 1990. – С. 5-16.
68. Иезуитова, Л. А. Реалистическая' литература 1890-1907 годов // История русской литературы: в 4 т. Т. 4. Литература конца XIX начала XX века / под ред. К. Д. Муратовой. – Л.: Наука, 1983. – С. 233-268.
69. Камильянова ЮМ. Типы сюжетного повествования в прозе Б. Зайцева 1900-1920-х гг. – Екатеринбург, 1998.
70. Камильянова Ю. М. Житийный сюжет в произведениях Б. Зайцева (1900-1921 гг.) // Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева: сб. ст.: Вторые междунар. Зайцев, чтения. – Калуга: Гриф, 2000. – С. 50-53.
71. Кандрашкина О.О. Категория пространства времени и хронотопа в художественном произведении и языковые средства их выражения // Филология. –2011. – С. 1217-1221.
72. Карасик В.И. Лингвокультурные концепты времени и пространства // Пространство и время в языке: Тезисы и материалы международной научной конференции 6 - 8 февраля 2001 г. Части 1. – Самара: 2001. – С.16 - 18.

73. Каргашин И. А. О «родовом статусе» лирической прозы Б. К. Зайцева // Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева: сб. ст. : Третьи междунар. Зайцев, чтения. Вып. 3. – Калуга: Гриф, 2001. – С. 69-77.
74. Карпов И. П. Человек творящий. Православные традиции в русской литературе XX века: в 2 ч. Ч. 2. – М.: Дрофа, 2007. – 318 с.
75. Касперавичюс М. М. Функции религиозной и светской символики. – Л.: Знание, 1990. – 32 с.
76. Касторский С. В. Проза буржуазного упадка // История русской литературы: в 10 т. Т. 10. – М.; Л.: АН СССР, 1954. – С. 621-622.
77. Кашпур О.А. Жанр литературного портрета в творчестве Б. Зайцева. – М, 1995.
78. Кедровский А. Е. Герой и время в произведениях Б.К. Зайцева 1910 – 1920-гг. // Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева: сб. ст.: Вторые междунар. Зайцев, чтения. – Калуга: Гриф, 2000. – С. 47-50.
79. Келдыш В. А. Русский реализм начала XX века. – М.: Наука, 1975.– 280 с.
80. Климова Г.П. Своеобразие цветописи ранней прозы Б.К.Зайцева // В поисках гармонии (О творчестве Б. К. Зайцева): межвуз. сб. науч. тр. – Орел: Изд-во ОГУ, 1998. – С. 9-10.
81. Князева О. Г. Христианские мотивы в романе Б.К.Зайцева «Дальний край» // Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева: сб. ст.: Третьи междунар. Зайцев, чтения. Вып. 3. – Калуга : Гриф, 2001. – С. 135-142.
82. Колтоновская Е. А. Поэт для немногих : по поводу второй книжки рассказов Б. К. Зайцева // Новая жизнь. – СПб.: Общественная польза, 1910. – С. 72-85.
83. Колтоновская Е. А. Борис Зайцев // Русская литература XX века. 1890-1910 / под ред. С. А. Венгерова. – М.: Республика, 2004. – С. 444-451.
84. Константин (К. И. Зайцев) архим. Памяти Б.К.Зайцева // Православная Русь. Джорданвиль. – Нью-Йорк: 1972, № 3 – С. 12.
85. Конорева В.Н. Жанр романа в творческом наследии Б.К. Зайцева. – Владивосток, 2001. – 198 с.

86. Костылева И. А. Лирическая проза Б.К. Зайцева // Юбилейная междунар. конф. по гуманит. наукам, поев. 70-летию Орлов, гос. ун-та: материалы. Вып. 2.: Л. Н. Андреев и Б. К. Зайцев. – Орел: Орлов, гос. ун-т, 2001. – С. 116-122
87. Котельников В. А. «Покой» в религиозно-философских и художественных контекстах // Рус. лит. – 1994, № 1. – С. 3-41.
88. Котельников В. А. О христианских мотивах у русских поэтов // Лит. в shk. – 1994, № 3. – С. 3-10.
89. Кошемчук Т. А. Русская поэзия в контексте православной культуры. – СПб.: Наука, 2006. – 640 с.
90. Кошемчук Т. А. Русская литература в православном контексте. – СПб.: Наука, 2009. – 278 с.
91. Краснова Л. В. Соловьевские мотивы в творчестве Б. Зайцева // В поисках гармонии (О творчестве Б. К. Зайцева): межвуз. сб. науч. тр. – Орел: Изд-во ОГУ, 1998. – С. 100-108.
92. Крутикова Л. В. Реалистическая проза 1910-х годов: рассказ и повесть // Судьбы русского реализма начала XX века / под ред. К. Д. Муратовой. – Л.: Наука, 1972. – С. 164-227.
93. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 280-287.
94. Лосская-Семон Л. В. О религиозном призвании русской литературы // Рус. лит. – 1995, № 1. – С. 28-33.
95. Лотман – М.: 1970.
96. Любомудров А. М. Мотив смирения в прозе Б.К.Зайцева // Литература русского зарубежья. – М: Просвещение, 1995.– С. 37- 41.
97. Любомудров А.М. «Живое, светлое бытие»: мир Божий в книгах Б. К. Зайцева // Русский крест: сб. ст. – СПб.: Бельведер, 1994. – С. 69-73.
98. Любомудров А. М. К проблеме воцерковленного героя: Достоевский, Зайцев, Шмелев // Христианство и русская литература. Сб. 3. – СПб.: Наука, 1999. – С. 356-366.

99. Любомудров А. М. Святая Русь Б. К. Зайцева // Зайцев, Б. К. Собр. соч.: в 5 т. Т. 7 (доп.). – М.: Русская книга, 2000. – С. 3-21.
100. Любомудров А. М. Церковность как критерий культуры // Христианство и русская литература Сб. 4. – СПб.: Наука, 2002. – С. 87-109.
101. Ляпаева Л. В. Некоторые особенности мотивной структуры повести Б. Зайцева «Голубая звезда» // Классика и современность: учеб. пособие. – Чебоксары: Изд-во Чуваш, ун-та, 2007. – С. 43-48.
101. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. – Свердловск, Свердл. гос. ун-т, 1990. – 188 с.
102. Минералова И. Г. Русская литература серебряного века. Поэтика символизма : учеб. пособие. – М.: Флинта; Наука, 2003. –269 с.
103. Миронова М. Г. Ритм в творчестве Б.К. Зайцева // Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева: сб. ст.: Первые междунар. Зайцев, чтения. – Калуга: Гриф, 1998. – С. 36-43.
103. Михайлов О. Н. О Борисе Константиновиче Зайцеве // Зайцев Б. К. Голубая звезда: роман, повесть, рассказы, главы из книги «Москва». – Тула : Приок. кн. изд-во, 1989. – С. 5-9.
104. Михайлов О.Н. «Тихий свет» (Штрихи к портрету Б.К. Зайцева) // Зайцев Б.К. Голубая звезда: роман, повесть, рассказы, главы из книги «Москва». – Тула: Приок. кн. изд-во, 1989. – С. 348-363.
105. Михайлова М. В. Борис Константинович Зайцев // Далекое, но близкое: материалы литературных чтений к 125-летию со дня рождения Бориса Зайцева: сб. докладов. – М.: Дом-музей М. Цветаевой; Стратегия, 2007. — С. 24-33.
106. Морозов М. В. Старосветский мистик: Творчество Б. Зайцева // Очерки новейшей литературы. – СПб.: Прометей, 1911. – С. 124-158.
107. Муратова К. Д. Роман 1910-х годов. Семейные хроники // Судьбы русского реализма начала XX века / под ред. К. Д. Муратовой. – Л. : Наука, 1972. – С. 97-134.

108. Непомнящий В. С. // Литературоведение как проблема. Труды науч. совета «Наука о литературе в контексте наук о культуре». – М.: Наследие, 2001.1. – С. 524-572.
109. Николина Н.А. Филологический анализ текста / Учебное пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.
110. Оцуп Н. Борис Зайцев. Странное путешествие.//Современные записки. – 1928, № 37. – С. 528-531.
111. Пак Н. И. Традиции житийного жанра в «Преподобном Сергии Радонежском» Б. К. Зайцева // Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева: сб. ст.: Первые междунар. Зайцев, чтения. – Калуга: Гриф, 1998. – С. 51-60.
112. Пак Н. И. Традиции древнерусской литературы в творчестве Б.К. Зайцева и И.С. Шмелева: автореф. дис... д-ра филол. наук. – М., 2004. – 45 с.
113. Пак Н. И. Духовный путь Б. К. Зайцева // Конспекты уроков для учителя литературы: 5-11 классы: А.М. Горький И. С. Шмелев Б. К. Зайцев / ред.-сост. И. П. Карпов, Н. Н. Старыгина. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002. – С. 272-298.
114. Пак Н. И. Древнерусская культура в художественном мире Б. К. Зайцева – М.; Калуга: КГПУ, 2003. – 177 с.
115. Пак, Н. И. Традиции древнерусской литературы в творчестве Б. К. Зайцева и И. С. Шмелева. – М.: б.и., 2006. – 232 с.
116. Панкова, Н. М. Сентиментальные мотивы в творчестве Б.Зайцева и Л. Андреева // Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева: сб. ст. : Вторые междунар. Зайцев, чтения. – Калуга: Гриф, 2000. – С. 164-169.
117. Полуэктова, И. А. Лирический компонент прозы Б. К. Зайцева : автореф. дис. . канд. филол. наук:–. Воронеж, 2000. – 23 с.
118. Полуэктова, И. А. Лирическое начало в ранних рассказах И. Бунина и Б. Зайцева // И. А. Бунин и русская культура Х1Х-XX вв. – Воронеж: Квадрат, 1995. – С. 40-42.

119. Попов, Р. Н. Символика слова чаша повести Б. Зайцева «Аграфена» // В поисках гармонии (О творчестве Б. К. Зайцева): межвуз. сб. науч. тр. – Орел : Изд-во ОГУ, 1998. – С. 10-11.
120. Поэтическая картина мира: слово и концепт в лирике серебряного века : материалы VII Всерос. науч.-практ. семинара (27 апреля 2004 г.) / под ред. Н. С. Болотновой. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2004. – 160 с.
121. Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева: сб. ст.: Вторые междунар. Зайцев, чтения. – Калуга: Гриф, 2000. – 219 с.
122. Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева: сб. ст.: Третьи Междунар. Зайцев, чтения. Вып. 3. – Калуга: Гриф, 2001. – 328 с.
123. Прокопов, Т. Ф. Лиризм Б. К. Зайцева как эстетический феномен // Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева: сб. ст.: Вторые междунар. Зайцев, чтения. – Калуга: Гриф, 2000. – С. 24-34.
124. Прокопов Т. Восторги и скорби поэта прозы//Зайцев Б.К. Дальний край. – М.: Современник, 1990. – С. 5-30. 3-51.
125. Ровицкая Ю. В. Философские основы повести Б.К.Зайцева «Голубая звезда» // Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева: сб. ст. : Вторые междунар. Зайцев, чтения. – Калуга: Гриф, 2000. – С. 34-41.
126. Сваровская А. С. Житийное начало в повести Б. Зайцева «Аграфена» // Проблемы метода и жанра. – Томск: ТГУ, 1997. Вып. 19. – С. 153-63.
127. Синицына М. А. Героини драмы Б. К. Зайцева «Усадьба Ланиных» в контексте русской драмы начала XX века // Наследие
128. Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей / А. П. Скафтымов. М. : Худож. лит., 1972. - 593 с.
129. Сливицкая О. В. Реалистическая проза 1910-х годов // История русской литературы: в 4 т. Т. 4. Литература конца XIX начала XX века / под ред. К. Д. Муратовой. – Л. Наука, 1983. – С. 603-634.
130. Словарь символов. – М.: ФАИР-Пресс,
131. Словарь философских терминов. Научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. – М.: ИНФРА, 2007. – С. 654-655.

132. Смирнов Н. Солнце мертвых. Заметки об эмигрантской литературе / Ник. Смирнов // Красная новь. 1924. - Кн. 3 (20). Апрель-май. – С. 250-267.
133. Смоленский Н. П. Тайна смерти и жизни: вопрос о смысле смерти и жизни в современном мире / Н. П. Смоленский // Отдых христианина. – 1908. 5. – С. 134-144.
134. Соколов А. Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов / А. Г. Соколов. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 246 с.
135. Сомова С. В. Поэтика Б. К. Зайцева. – Самара: Самар. гуманитар. акад., 2008. – 135 с.
136. Сомова С. В. Понятие «душа», «дух» как мирообразующее начало структуры зайцевского мифа // Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева: сб. ст : Третьи Междунар. Зайцев, чтения. Вып. 3. – Калуга: Гриф, 2001. – С. 85-91.
137. Советский энциклопедический словарь /Под ред. А.Н. Прохорова и др. – М, Наука, 1979. – С. 451.
138. Статья №1: Литература как духовный поиск. Жизнь и проза Бориса Зайцева concepture.club/post/...
139. Степанова, Т. М. Борис Зайцев в литературоведении и критике // Филол. вестн. 2002, № 4. — С. 34-40.
140. Степанова, Т. М. Поэзия и правда. Структура и поэтика публицистической прозы Бориса Зайцева. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во МГОУ, 2003. – 287 с.
141. Степун, Ф. А. Борису Константиновичу Зайцеву – к его восьмидесятилетию. – СПб.: РХГИ, 1999. – С. 260-276.
139. Струве Г. Русская литература в изгнании (Глеб Струве. Краткий биографический словарь русского зарубежья. – М, 1996. – С. 178-181.
140. Судьбы русского реализма начала XX века / под ред. К. Д. Муратовой. – Л.: Наука, 1972. – 283 с.
141. Тарасов, Б. Н. Непрочитанный Чаадаев, неслышанный Достоевский (христиан, мысль и соврем, сознание). – М.: Academia, 1999. – 288 с.

142. Тарасенко В. В. Концепты «жизнь» и «смерть» в системе языка и сознания разноязычных носителей: На материале фразеологизмов: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Комсомольск-на-Амуре,
143. Толмачев В. М. От жизни к житию : логика писательской судьбы Б. Зайцева // Рус. литературовед, журн. Теория и история литературы. 1994, № 4. – С. 73-89.
144. Топорков А. К. О новом реализме и о Б. К. Зайцеве // Золотое руно. 1907, № 10. – С. 46-49.
145. Троицкий В. Ю. Словесность в школе. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. – 432 с.
146. Трессиддер Д.
147. Усенко Л. В. Импрессионизм в русской прозе н. XX в. – Ростов н/Д: Изд-во Ростов, ун-та, 1988. – 239 с.
148. М. Хализев В.Е. Теория литературы: учебник. 4-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2005 . – 405 с.
149. Хатямова М. А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 328 с.
150. Черников А.П. Б. Зайцев классик XX века // Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева: сб. ст.: Третьи междунар. Зайцев, чтения. Вып. 3. – Калуга: Гриф, 2001– С. 9-18.
151. Чернухина И.Я. Элементы организации художественного прозаического текста. – Воронеж: Ворон. гос. ун-т, 1984. – 144 с.
152. Шеплягина, Н. П. (Бабенко, Н. П.) Евангельские реминисценции в рассказе Б. К. Зайцева «Изгнание» // Русское литературоведение на современном этапе: материалы VII Междунар. конф. – М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2009. – С. 403-406.
153. Шиляева А. Борис Зайцев и его беллетризованные биографии. – Нью-Йорк: Волга, 1971. – 175 с.
154. Щедрина Н. М. Борис Зайцев // Литература русского зарубежья. Учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 208 с.

155. Юдин А.В. Русская традиционная духовность: пособие для учащихся 10-11 кл. – М.: Фирма «Интерпракс», 1994. – 395 с.
156. Юнг К. Г. Человек и его символы. – М.: 1999. – 388 с.
157. Юрьева Т. В. Православная картина мира: мировосприятие и художественный образ: курс лекций. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2006. – 169 с.
158. Яркова А. В. Жанр автобиографического романа в творчестве Б. К. Зайцева // Жанры в историко-литературном процессе: сб. науч. ст. – СПб.: ЛГОУ им. А.С. Пушкина, 2000. – С. 122-138.
159. Яркова А. В. Жанровое своеобразие творчества 1922-1972 годов: литературно-критические и художественно-документальные жанры. – СПб.: ЛГОУ, 2002. – 211 с.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра русского языка и литературы

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

На тему: Духовный аспект хронотопа в прозе Б. К. Зайцева

Исполнитель Антонова Дарья Николаевна

Руководитель кандидат педагогических наук, доцент

Кипнес Людмила Владимировна

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой

(подпись)

кандидат педагогических наук, доцент

Кипнес Людмила Владимировна

«4» февраля 2021 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2021